

ИРИНА АНДРИАНОВА

потерять
разум

найти
сердце

ПОТЕРЯННЫЕ КЛЮЧИ

RED. Мистика

Ирина Андрианова
Потерянные ключи

«ЭКСМО»

2019

Андрианова И.

Потерянные ключи / И. Андрианова — «Эксмо», 2019 — (RED. Мистика)

ISBN 978-5-04-171325-6

У меня совсем нет денег, но есть неизвестно чья квартира. Сначала я нашла ключи от нее, а следом и ее саму. Я осталась здесь, потому что мне некуда было идти, а хозяева исчезли. Кто они? Почему не появляются так долго, и кто общается со мной через интернет? И как теперь назвать меня — похитительницей чужого имущества или пленницей? Комментарий Редакции: Поначалу фантаσμαгоричная и просто необычная, эта история ближе к концу начинает приобретать довольно пугающие оттенки, а в самом финале оглушающий плот-твист и вовсе сбивает с ног. Додуматься заранее до такого развития событий практически не представляется возможным!

ISBN 978-5-04-171325-6

© Андрианова И., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1. Как я их нашла	5
Глава 2. Как я нашла нужную дверь	7
Глава 3. Пристанище	15
Глава 4. Меня угощают	17
Глава 5. Николай	20
Глава 6. Страх, усталость, спасение	28
Глава 7. Я – дома	30
Глава 8. Неудачная попытка стать бомжом	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ирина Андрианова

Потерянные ключи

Глава 1. Как я их нашла

Я нашла эти ключи случайно, на школьном стадионе, в углу, где стоят спортивные снаряды. Каждое утро я оказываюсь здесь, завершая беговой маршрут по бульвару (три круга по периметру, плюс – отрезок до бульвара и от бульвара до стадиона). Мне страшно начать день как-то по-другому. Зато, если физкультурная программа выполнена, покой на целых полчаса воцаряется в моей душе, а это дорогого стоит.

Ключи лежали прямо под высоким турником. Есть еще низкий и средний, но я, понятно, в целях борьбы за самооценку всегда покусываюсь на высокий. Я подошла к нему сразу после наклонной плоскости для пресса. Последовательность очень важна: сначала – бег, потом наклонная плоскость, потом – турник, потом – брусья, потом... Впрочем, я не хочу тебя утомлять, хотя на меня это постоянство последовательности действует успокаивающе. Ключи явно были потеряны кем-то ночью или поздно вечером, не раньше. Весь день на стадионе полно подростков, играющих в футбол или выпивающих; ключи они забрали бы просто из принципа. После чего зашвырнули в кусты. Можно также предположить, что кто-то выходит на пробежку еще раньше, чем я, и соответственно, раньше оказывается на стадионе; тогда ключи могли потеряться и сегодня утром. Ключи были самые обыкновенные, четыре штуки на кольце: большой ключ с бородкой, потом ригельный, потом ключ от почтового ящика и ключ-таблетка от входной двери. Мне даже показалось, что и мои ключи точно такие же. Однако, когда я вытащила из набедренной сумочки свои, чтобы проверить, оказалось, что это не так. Ну конечно же, мои отличаются хотя бы тем, что состоят из трех предметов. Ключа от почтового ящика у меня нет. Все равно я им не пользуюсь.

Однако я отвлеклась. Первой моей идеей было, конечно, немедленно вернуть ключи владельцу. Но как это сделать? Можно предположить, что потерявший вернется за ними. Правда, если он потерял их еще вечером, то, наверное, уже давно заметил бы пропажу – он просто не смог бы попасть домой. Но это если не считать варианта, что, когда потерявший возвращался домой, там был кто-то из его родственников, он позвонил в дверь и ему открыли... Хотя – как он открыл входную дверь подъезда? Он бы сразу обнаружил, что ключей нет. Ну, предположим, что именно на момент его прихода в подъезд входил кто-то из соседей. Но это отсрочило известие о пропаже не более чем на пару минут, когда несчастный, наконец, оказался перед дверью своей квартиры и осознал, что на его голову свалилась досадная неприятность. Такая банальная, но при этом всегда неожиданная и влекущая за собой ворох непредвиденных обязанностей, забот, затрат времени и денег. Мне было искренне жаль этого бедолагу. Все-таки гораздо больше мне нравился вариант с таким же, как я, любителем утешаться здоровым образом жизни по утрам, который прибежал на площадку всего-то за полчаса до меня, весело поотжимался-поподтягивался, а после направился на беговой маршрут. Правда, сама я делаю с точностью до наоборот: упражнения на турнике – это справедливая награда за тяготы пробежки. Но ведь можно представить, что потерявший ключи человек мог быть гораздо сильнее меня, и очередность для него не столь важна. К тому же, упражнения могут быть для него как раз передышкой между двумя беговыми этапами (бывают и такие «лоси»!). Например, он живет где-то в отдалении от всех спортплощадок, поэтому путь к стадиону и назад – для него уже готовый беговой маршрут.

При таком варианте оказывалось, что потерявший обнаружит свою жестокую судьбу вот-вот сейчас. И, либо выругавшись, либо расплакавшись в душе, он отправится назад по своему

маршруту, только на сей раз напряженно всматриваясь под ноги. Наверное, он сразу догадается, что наиболее вероятным местом и временем выпадения ключей из набедренной сумки (вполне возможно, он носит ключи так же, как я) были как раз упражнения на турнике. Может, он действительно «лось» и умеет, например, крутить «солнышко». Это когда человек сначала подтягивается, потом встает на руки на перекладине, делает кувырок вокруг нее и снова встает, на инерции вращения. Не подумай – я сама такое и близко делать не умею, никогда не научусь и лишь завистливо поглядываю на молодцов, обычно кавказских и среднеазиатских национальностей, которые это (явно напоказ) демонстрируют. Так или иначе, это прекрасный момент для выпадения ключей – и если сумочка чуть-чуть приоткрыта. Правда, если ты трезв, это трудно не заметить, ключи ведь падают вниз со звоном. Впрочем, хватит гадать. Либо ключи выпали у бодрого спортсмена только что, и тогда он вскоре за ними явится, либо они потеряны совсем не спортсменом и поздно вечером\ночью во время очередной пьяной оргии, которые случаются здесь в теплое время года регулярно. Это я знаю по оставленным бутылкам и упаковкам от чипсов, которые по утрам собираю и складываю в урну. При последнем варианте потерявший ключи может за ними и не явиться. Во-первых, непонятно, знает ли он о пропаже (не факт, что ночью он возвращался домой), а даже если знает, он может начисто забыть, где был и где мог потерять связку. Он может обнаружить отсутствие ключей лишь днем, когда проспится, захочет выйти из дома и заметит, что закрыть дверь ему нечем. А если дверь за ним закроет рассерженная мать с мрачным напутствием «Опять нажрешься – домой не приходи!» – тогда весть о потере опять откладывается на неопределенное время.

Итак (размышляла я, тем временем продолжая делать успокоительные упражнения, последовательность которых уже без участия мозга воспроизводила мышечная память), в итоге имеем два варианта. Первый: потерявший ключи – это трезвый и сильный спортсмен, который вот-вот сюда за ними прибежит. Этот вариант хорош не только тем, что вот-вот я сниму с души досадную тяжесть сопереживания чужой проблеме, но и тем, что волею судьбы буду иметь возможность оказать услугу этому во всех отношениях привлекательному господину (все-таки 90 % тех, кто забегает поподтягиваться на турниках – мужчины). Мы разговоримся, он почувствует благодарность и интерес, и в итоге через несколько месяцев на мне женится (шутка, но какая приятная!). Второй вариант – ключи потеряны ночью кем-то, находившимся в нетрезвом виде, и этот кто-то либо явится за ними неизвестно когда, либо не явится совсем. Вариант плох уже тем, что никто, скорее всего, на мне не женится, потому что, во-первых, никто не явится, а во-вторых, если и явится, симпатии мы друг у друга вряд ли вызовем.

Так я провела еще минут двадцать, робко ожидая исполнения варианта номер один и параллельно продолжая осуществлять «физические нагрузки», заряжая смыслом новый день хотя бы на первые полчаса. Однако спортсмен не появлялся. Дальше ждать становилось бессмысленным, тем более что все сильнее хотелось есть: я выбегаю натошак, мечтая о завтраке как о еще одной награде за лишения раннего подъема и утомительного бега, и спустя час мечта превращается уже в острую потребность. Но как следовало поступить с ключами? Если оставить их здесь, то, как я уже рассуждала, их могут забрать из принципа. Пришел в голову успокаивающий совесть вариант: я возьму их с собой, а здесь оставлю записку со своим телефоном. В лучшем случае, мне позвонит красавец-спортсмен, который в итоге на мне женится (шутка), а в худшем я просто утешусь мыслью, что сделала все, что могла (для, вероятно, потерявшего их ночного пьяницы). В набедренной сумочке у меня всегда лежит маленький блокнотик и ручка. Я написала нечто вроде «Найдены ключи. Телефон такой-то». Потом долго думала, как и где мне прикрепить записку. Взгляд случайно упал на незамеченный ранее в траве кусочек шнурка. Решение было найдено: ручкой я сделала две дырки в листке, продела шнурок и привязала записку к вертикальной стойке турника, где-то повыше моего лица. Вероятнее всего, его веселящаяся гопота тоже сорвет из принципа, но «я сделала все, что могла».

Глава 2. Как я нашла нужную дверь

Все это я так долго рассказывала лишь для того, чтобы лишний раз убедиться самой и убедить тебя, что в тот момент у меня и в мыслях не было сделать с ключами то, что я в итоге с ними сделала. Если эта идея уже находилась где-то глубоко в тайнике, именуемом подсознанием, то я не могу себя в этом винить. В мыслях, за которые я отвечаю, не было ничего про то, чтобы воспользоваться найденными ключами по назначению. В смысле, чтобы найти квартиру, которая ими отпиралась. Однако именно это я и сделала.

Помню, что желание попробовать (ну конечно же, только попробовать!) возникло у меня одномоментно и неожиданно. Если припомнить, что в то утро (как раз после находки ключей) Хозяйка комнаты в общежитии, где я жила (она жила в соседней комнате) заглянула ко мне и сказала, что (я избавляю ее речь от лишних междометий) «срок был до 12-ти дня, чтобы сегодня тебя здесь не было», то генезис моего смутного желания становится более понятен, в том числе и мне самой. Я не стала спорить с Хозяйкой. Честно говоря, я вообще предпочитала с ней не разговаривать. Кажется, я никогда не вела с ней диалогов, исключая, вероятно, тот момент, когда я заселялась (как ты понимаешь, в той ситуации я должна была с ней хоть как-то поговорить, хотя память не сохранила подробностей).

Платить мне было нечем. Не помню, размышляла ли я в тот момент всерьез, куда мне теперь идти и где жить. Позже я несколько раз пыталась думать о том, что было бы, если бы идея попробовать с ключами не пришла ко мне и я не сделала того, что в итоге сделала. Все попытки подумать были тщетны – размышления словно упирались в стенку. А сейчас и вовсе бессмысленно об этом думать, потому что я сделала именно то, что сделала, нашла крошечный лаз в той стенке и выбралась наружу.

Сначала, конечно, я объясняла себе, что сделаю это в шутку. В смысле, похожу по окрестным домам и попробую, а не подойдет ли таблетка к какой-нибудь из входных дверей. Еще более интересной игрой было продумать стратегию поисков. Я представила себя героем детективного романа, которому нужно разыскать эту таинственную квартиру. Итак, что бы я сделала в первую очередь? Ага, вероятно, очертила бы круг поисков. Как я уже предполагала, потерявший ключи (да, кстати, если я найду квартиру, я просто позвоню в дверь и верну хозяину ключи; это сразу помогло обосновать мою сомнительную затею) живет в квартале стадиона. Если он живет дальше, то конструкция рушится и, стало быть, ничего не получится. Значит, надо просто обойти все дома по кругу (точнее, по разворачивающейся спирали), прикладывая таблетку к каждой входной двери. Так у меня есть шанс найти его подъезд. Такого угрюмого явления, как закрытые дворы, в нашем депрессивном районе панельных пятиэтажек просто нет, и реализовать мой план не составляло труда. Правда, я ужасно боялась, что кто-то подумает что-то не то, если увидит меня, методично проходящую вдоль дома и пробующую таблетку на каждой двери. Наверняка я ошибочно преувеличивала людскую бдительность, но, однозначно, среди бела дня я чувствовала бы себя за этим занятием не очень комфортно. Сначала я подумала было о каком-нибудь «легализующем маневре». Например, если бы я изобразила из себя расклейщика объявлений, то остановка около каждого подъезда выглядела бы естественной. Но в итоге на это я тоже не решилась. Во-первых, расклейщиков вполне заслуженно от подъездов гоняют. А лишнее внимание мне совсем ни к чему. Во-вторых, чтобы я стала делать, если бы прямо навстречу мне из подъезда кто-то вышел? Сделать вид, что мне нужно внутрь? А если он станет спрашивать, к кому я? Ответить, что я разношу ненавидимые всеми рекламки (при том, что у меня их нет)? В общем, мне было бы неприятно и страшно, а я этого очень не люблю. Признаться, я вообще не люблю общаться с людьми, и всегда рада этого не делать, если возможно. Потому-то, вероятно, я почти не разговаривала с хозяйкой комнаты.

Словом, я решила, что лучше всего будет произвести мое исследование поздно вечером. Людей во дворах тогда почти не будет. Вероятность того, что я пересекусь с кем-то, входящим или выходящим из подъезда, тоже уменьшается. Если бы я знала тогда, сколь безобидна первая часть моего «исследования» в сравнении с тем, что пришлось сделать потом, я бы не тратила на подготовку столько времени.

Часов в восемь вечера ко мне снова заглянула голова Хозяйки. «Я что, неясно сказала? Ты почему еще здесь?» – рявкнула она (междометия я опять-таки опускаю). «Мне все ясно. Я уйду завтра утром», – я постаралась быть максимально лаконичной. Если бы я вступила в дискуссию, все бы закончилось тем, что она выставила бы меня прямо сейчас. А против немногословного человека оружие подобрать трудно. Правда, способ остаться у меня наверняка был: нужно было просто дать Хозяйке денег. Но, повторяю, у меня их не было, совсем. Поэтому выторговать лишний вечер и ночь под крышей было уже великой удачей. Я вскипятила себе электрочайник, поела булки с маслом и колбасой, которые были в холодильнике. Затем взяла остатки еды с собой и оправилась на намеченное «исследование». Пришлось начать несколько раньше, чем я рассчитала, но гнетущее чувство после слов Хозяйки не позволяло просто сидеть и ждать.

В итоге к концу первой сессии (на нее ушло около часа) у меня набралось пять (!) подъездов, к которым подходила таблетка. Номера домов, номера подъездов и, на всякий случай, номера находящихся там квартир я аккуратно переписала в блокнот. Сразу скажу – я обошла далеко не все дома в запланированном радиусе. Просто в какой-то момент решила прекратить. На пятом подходящем подъезде (к этому моменту было уже пройдено 12 домов) я вспомнила, что вариантов кодов таблеток не так уж и много. До этого я часто видела разносчиков реклам, которые подходили к подъездам со связками разноцветных таблеток, причем в связке их было не более 10–15 штук. Значит, такого количества вариантов достаточно, чтобы открыть все подъезды в квартале. А еще я где-то слышала, что закодированные таблетки можно просто купить у метро. Впрочем, я рассудила, что в квартале наберется еще не меньше десятка подходящих подъездов, и надежда найти одну-единственную волшебную дверь, подходящую под мою таблетку, неосуществима. Одно дело – проверить 5 подъездов, а другое – 15. Так что, пожалуй, остановимся на достигнутом. Если нужная квартира находится в одном из них – значит, небу угодны мои поиски. Если нет – значит, нет.

Лишь по пути домой я озаботилась резонным вопросом – а как я буду их проверять? Вставлять ключи в каждую квартиру?! Но тогда я вызову гораздо больше справедливых вопросов, чем при проверке таблеток, причем эти вопросы будут заданы мне обитателями квартир, куда я буду ломиться. Эта мысль несколько расстроила меня. Но потом у меня появилась одна идея, и я немного успокоилась.

Проходя около полуночи мимо двери Хозяйки, я услышала, как она говорит кому-то по телефону: «Он говорил, что ее уже утром тут не будет. А она еще целые сутки лишние сидит». Я подумала, что речь, возможно, идет обо мне. Да чего гадать – несомненно, обо мне. Но у меня есть еще завтрашний день – я же обещала, что уйду именно завтра, и Хозяйка, как мы помним, ничего не возразила. Правда, когда я вошла к себе, то заметила явные признаки скорого выселения: в комнате друг на друге стояли несколько чужих картонных коробок. Когда я разделась и легла, хозяйка вошла, включила свет (мне показалось, демонстративно) и поставила еще одну коробку. Вероятно, для того, чтобы я случайно не подумала, что можно протянуть еще лишний день. Затем она выключила свет (явно не из заботы обо мне, просто она сэкономила электричество) и ушла, хлопнув дверью. Не хотелось думать о том, что ждет меня завтра, поэтому я не стала думать и уснула.

Проснулась я часов в пять. Вероятно, смутное беспокойство о завтрашнем дне успело приобрести твердые очертания, которые грубо вытолкнули меня из сна. Других дел у меня все равно не было – а может, надежда на чудо меня подстегивала? – однако, выпив чая из элек-

трочайника и что-то съев, я сразу отправилась в поход по моему списку. Ранний подъем оказался кстати: заходить в чужие подъезды и разглядывать замочные скважины лучше всего во второй половине ночи, когда есть почти стопроцентная гарантия никого не встретить. Вставлять ключи я в тот момент не планировала. Во всяком случае, я успокаивала себя, что пока не буду. Собственно, в этом и состояла моя вчерашняя идея – разглядывать, а не вставлять. Итак, у меня было пять подъездов на примерно одинаковом расстоянии друг от друга (примерно по подъезду в каждом втором доме), в каждом из которых, вероятно, меня ждало от 15 до 20 квартир (в наших пятиэтажках бывает либо по 3, либо по 4 квартиры на этаже), а также два «информативных» ключа в связке – плоский и ригельный.

Я почему-то воображала себе бесконечное множество вариантов, но выяснилось, что все гораздо проще. Первичная проверка представляла собой поиск дверей, куда можно было бы вставить оба имеющихся ключа – и плоский с двумя бородками, и ригельный. Оказалось, их не так уж много. Действительно, на дверях действительно зачастую по два замка, но оба подходят под стандартные плоские однородочные ключи. Либо одна скважина – под такой ключ, а другая – под ригельный. Или есть одна-единственная скважина, под ригельный или двухбородочный. Хотя в этом случае можно было заподозрить наличие невидимой внутренней двери, к которой подходит второй из моих ключей. Впрочем, как я заметила в ходе «исследования», ригельные вообще используются нечасто.

Все более-менее подходящие двери (включая двери с одной скважиной) я выводила в следующий тур моего конкурса. И этот тур они проходили тут же, ибо (как я сообразила на месте) времени до рассвета у меня было немного. Не знаю, как я на это решилась, но, тем не менее, мне удалось изучить подходящие скважины – какие-то на глаз, а куда-то пришлось очень медленно, едва дыша, всовывать ключ. Да, забыла сказать: перед тем, как войти, я осматривала окна тестируемого подъезда с обеих сторон дома, чтобы убедиться, что везде выключен свет. И все равно во время процесса у меня дрожали ноги, и я в ужасе ждала, что вот-вот дверь откроется. Или внутри залает собака, учуяв несанкционированное вторжение. Или вот прямо сейчас кто-то появится на лестнице, меня схватят, куда-то препроводят и посадят... К счастью, в каждом подъезде пришлось испытать таким образом не более двух дверей. Выйдя на улицу, я быстрыми шагами переходила к следующему адресу. Впрочем, на третьем подъезде я боялась уже куда меньше: видимо, просто устала.

Итогом моих экспериментов стали две с виду идеально подходящие двери (правда, я пока еще не пыталась их взаправду открыть) и одна полупретендентка, так как у нее была лишь одна скважина. Результативная игра приподняла мое настроение (хотя я старательно гнала от себя вопрос, что же я буду делать дальше, когда/если найду *ту самую* подходящую дверь, а еще – мысль о бессмысленности всей операции, если *та* дверь вообще находится за пределами очерченного радиуса в 12 домов). Но, во всяком случае, я отвлеклась от неприятной тревоги за свое будущее и сильно утомилась, а это всегда притупляет страх. Добравшись до кровати (было чуть больше восьми утра), я моментально провалилась в сон. А когда проснулась, на часах было уже 11. Первой мыслью после пробуждения было встать и немедленно идти туда, на место удачного «исследования». Я попила холодной воды (чтоб не шуметь включенным чайником), сжевала кусок булки (в холодильнике оставалось еще полбатона и пачка масла), на цыпочках прокралась мимо комнаты Хозяйки (ведь сегодня меня вроде как уже не должно здесь быть) и снова выскочила на улицу. Необходимость быстро решить важную задачу сконцентрировало мое сознание (я теперь это понимаю) и отсекло все лишние мысли.

До подъезда первой квартиры было минут пять ходу. Подойдя, я сначала оглянулась по сторонам. Но никого не было: время с 10 до 12 дня – почти такое же спокойное, как в 4–5 часов утра. Все, кому положено было уйти на работу и в школу, уже ушли, а назад еще не потянулись. Я позвонила в квартиру. Затаив дыхание, прождала 8 звонков. Потом открыла дверь своей таблеткой и стала на цыпочках подниматься на третий этаж. Конечно, было бы

куда спокойнее проделать все это в 4 утра, но вот одна незадача: в квартире в это время гарантированно находились бы хозяева. Поднявшись и убедившись, что на этажах лестницы никого нет, я еще раз позвонила – теперь уже в квартирный звонок. Снова 8 звонков и тишина. Тогда, повторяя про себя заготовленную фразу на случай выхода на площадку кого-то из соседей, которые знают, кто живет в квартире (фразу наивную, но на первые несколько секунд должно подействовать, если сказать с уверенным видом – а потом я убегу): «а мне Катя ключ дала», я медленно (успело пройти, наверное, лет десять) вставила двухбородочный ключ в верхнюю скважину. И он вошел. Вошел! Я попыталась повернуть вправо. Не получается. Влево? Пошел! Раз, два, три, четыре. Дальше не идет. На пальцах выступил пот. По всему телу, очевидно, тоже. Самым большим моим желанием в этот момент было быстро и не оглядываясь сбежать по ступенькам вниз, на волю. Причем бросив ключ в скважину. Каким-то чудом мне удалось себя перебороть. Наверное, мозг оперативно воспроизвел выражение лица Хозяйки и информацию, что идти мне, в сущности, уже некуда. Спасибо ему, и спасибо соседям – никто и них в этот момент не вышел на лестницу и не вошел в подъезд с улицы. Дрожащими пальцами, чуть не уронив связку на пол, я взяла ригельный ключ. Посмотрев, куда смотрят бороздки, вставила и надавила. В этот момент, кажется, я успела подумать, что напрасно не сочинила оправдательную фразу для жильцов квартиры, если бы они все-таки оказались дома. Но я успела подумать это слишком поздно. Замок уже поддался, и дверь приоткрылась. Не открывая ее полностью, я боком проскользнула внутрь, навалилась на дверь с внутренней стороны, мгновенно нашла какую-то щелчку и заперлась. Думаю, это была не я, а мой спинной мозг, но спасибо ему за помощь. Наверное, я действовала неразумно, больше опасаясь в этот момент внешних свидетелей, чем владельцев квартиры. Окажись они дома, именно от них исходила бы реальная опасность, так что усложнять себе путь к спасению было бы неправильно. Но судьба решила мне помочь. Внутри никого не было.

Я решила проверить это не сразу, а лишь через несколько секунд, когда удалось успокоить дыхание и бешено стучавшее сердце. Только тогда я сделала один неслышный шаг вглубь прихожей. Потом – еще один. Налево была приоткрытая дверь в совмещенный санузел, куда попадало немного отраженного света от зеркала в прихожей (желто-синяя плитка, все чистенько, аккуратно, «евроремонт»). Никого. Дальше, тоже налево – проход на кухню. Заглядываю на секунду – дорого, новая красная кухня как из журнала, чисто, аккуратно – никого. Прямо – большая проходная комната. Тоже чисто, вероятно – тоже дорого, тоже похоже на рекламные изображения, и тоже пусто. За этой, очевидно, «гостиной» находился крошечный предбанничек, из которого направо и налево были выходы еще в две комнатки. Туда я заглянула лишь мельком. Первые несколько секунд я была почти уверена, что вот-вот войдут хозяева и я буду поймана. Затем страх стал отпускать. Если они не вошли сейчас, то почему должны войти через минуту? Если рассуждать здраво (что в эту минуту было непросто), то они вообще находятся на работе, и у меня есть еще минимум часа 4 для спокойного пребывания здесь. Правда, я сразу догадалась осмотреть вешалку и убедиться в том, что в доме нет ребенка – он-то может вернуться из школы когда угодно. Но нет – на вешалке были только взрослые вещи. Висела довольно дорогая (и вульгарная, да-да!) женская куртка из нелепо-красной кожи. Внизу стояли соответствующие ей по стилю сапоги-ботфорты со вставками под ягуара. Странно, что у меня хватило моральных сил сквозь страх еще и снисходительно подсмеиваться над вкусами хозяев. Но уверяю тебя – я это делала. Безусловный рефлекс сноба? Или неосознанная попытка заблокировать страх? Наверное. Ага, вот еще черточка к облику обывательницы с неуклюжей претензией на вамп – темные очки с маленькими стразами! Они были укреплены на специальной держалке у зеркала. Меня вмиг согрело чувство интеллектуального превосходства. Стыдно сказать, но от этого я даже стала меньше бояться. На вешалке была также пара мужских кроссовок и куртка – но все это уже без выраженных стилевых претензий, даже весьма потрепанное. Я подумала, что вряд ли хозяйка дамского гардероба вернется скоро. Она навер-

няка проводит свою жизнь в офисе с 10 до 18.00, с перерывами на двухнедельный отпуск в Египте и корпоративы. Есть, правда, у нее есть какой-то неопределенный муж, но... почему-то эти кроссовки говорили мне, что их не нужно бояться. Вобщем, у меня отлегло от сердца.

Обстановка квартиры производила впечатление купленной чуть ли не одновременно в каком-нибудь магазине вроде «ИКЕА» – все новое, чистое, модное и одинаковое. Дорогое – это я неточно сказала; дорого это только для меня. По-видимому, хозяева недавно сюда переехали. Возможно, иногородние, потому что покупали все разом. А может, и нет. Я оглядела гостиную. Надо же – нет почти ни одной вещицы, которая бы говорила хоть что-то об истории владельца. Вот стеллаж светлого ламината под дерево, на нем диски, проигрыватель, телевизор, пара каких-то ерундовых книжек, вроде кулинарных, столик того же материала, альбомы, журналы, дальше – глухой шкаф, видимо – с одеждой. Компьютерный стеллаж. Новенький крошечный диванчик – наверное, на нем не спят. Ну да, спят-то, вероятно, в другой комнате. Ага, точно – там стоит занимающая чуть ли не все пространство столь же новенькая двуспальная кровать на блестящих металлических ножках. Часть спальни отрезана зеркальным шкафом-купе. Сбоку в угол втиснут комодик. Самобытностью отличалась только третья комната. Вот она несла личностный отпечаток, но и то лишь оттого, что была превращена в кладовку. В дальнем углу стоял велосипед – огромный и такой пыльный, что не было похоже, что кто-то им пользуется. Стоял рюкзак, валялась груда мягких цилиндрических торбочек из разноцветной капроновой ткани, в которых обычно скрываются разные туристические принадлежности – палатки и спальники. Но и это было слегка покрыто пылью. К тому же ягуаровые сапоги на высоких каблукках и красная кожаная куртка с туризмом плохо сочетались. Не верилось, что хозяйка иногда это снимает, одевает рюкзак и идет в поход. Вариантов было два: либо гламурные жильцы арендуют только две комнаты, а в третьей хранится хозяйский хлам, либо в квартире живут люди с очень несхожими интересами. Кстати, в комнатке-кладовке обнаружили и приличные – в отличие от гостиной – книги. Две запыленные стопки: Борхес, Кортасар, Кафка, Моэм. Вобщем, их владелец подавал робкую заявку на интеллектуализм. Прости за это глупое самодовольство, но именно таковы были мои мысли в тот момент, и я честно их записываю.

На этот беглый осмотр и выводы у меня ушло всего несколько минут. Гораздо дольше я задержалась в гостиной у стеллажа. Там при повторном осмотре обнаружилось-таки несколько мелочей, индивидуализирующих личность хозяина – например, шкатулка с палехской росписью, наполненная бижутерией. Я не удержалась, чтобы не повертеть в руках хотя бы пару предметов из верхнего слоя. И тут мой снобизм почему-то не осудил меня за мещанский порыв. Серебряное, кажется, колечко с бирюзой (или нет? Я не разбираюсь). Край янтарных бус, закопанных на дне под толщей спутанных нитей бисера и цепочек. Глубже копать я испугалась, хотя было очень заманчиво. Рядом стояла еще одна шкатулка, просто деревянная, без украшений. В ней лежали деньги. Большая стопка тысячных купюр, под ней – пятидесятые. Я даже не сосчитала, сколько. Но, очевидно, немало. Я на глаз оценила, что хозяева в деньгах не нуждаются.

Я не знаю, как это объяснить. Вобщем, сначала это сделала моя рука, а потом уж голова поняла, зачем. Рука быстро выбрала три тысячные купюры и засунула в карман штанов. А голова, которая сначала ужаснулась, затем констатировала: конечно, рука, ты поступила правильно. Ведь если сейчас не взять отсюда немного денег, то сегодня будет негде ночевать. И нечего есть. Кроме батона и масла, у меня в комнате было пусто. Да и сама комната – больше не моя. А здесь так много этих разноцветных бумажек, что хозяева, конечно, даже не заметят пропажи. Значит, если я возьму три штучки, я помогу себе и не нанесу вреда им.

Но сразу после того, как я взяла деньги, вернулся страх. Остаться в квартире я больше не могла. Снова выступил пот, снова задрожали руки и ноги. Я бросилась к двери. Нет! Сначала прислушаться, что происходит на лестнице. Никого. Я напрягла пальцы, пытаюсь как можно бесшумнее открыть засов. Выбралась наружу. Вставила ригель, закрыла дверь. Сколько раз я

поворачивала верхним ключом, когда открывала? Четыре? Да, четыре. Значит, и закрывать четырьмя оборотами. В один миг я провернула ключ и побежала вниз. Но не успела я пробежать два пролета, как внизу запиликал домофон входной двери: кто-то входил. Я на миг замерла, но сразу же бросилась дальше. Внизу с шумом захлопнулась дверь. Стремительно проскочив лестницу, на последнем марше я увидела вошедшую. Не мудрено, что она двигалась так медленно – это была довольно грузная женщина лет пятидесяти, с тяжелой сумкой. Неопределенной внешности – той, которую совершенно невозможно запомнить, не познакомившись поближе с ее владелицей. Все женщины средних лет в этих кварталах (и где бы то ни было, полагаю) лишены индивидуальных черт. Я хотела, наклонив голову, проскочить мимо нее, но вдруг она подняла глаза и сказала «Здравствуйте». Машинально кивнув и бормотнув что-то похожее на приветствие, я метнулась вон. Просто вежливая соседка? – задыхаясь, думала я, быстрыми шагами заворачивая за угол дома. – Которая здоровается со всеми? Бывает. Или приняла меня за кого-то другого. Возможно, в полумраке лестницы она плохо видит. Так или иначе, недоумения на ее лице написано не было, а значит, тревоги она не поднимет. Я не вполне понимала, как могут выглядеть проявления тревоги со стороны соседей (наверняка я преувеличивала чувство ответственности за чужое имущество), но мне все же было бы спокойней, если бы она забыла о нашей встрече уже на следующем лестничном марше. Надеюсь, так и случилось.

Ну что ж, тогда не будем придавать этому значения. Я же не собираюсь сюда возвращаться. Не дай бог. Быстро, то и дело переходя на бег, я двигалась домой. У распахнутой, как всегда, настежь двери общежития курили две русские девицы и молодой узбек. Прoshмыгнув мимо них, я миновала несколько ступенек лестницы и оказалась в коридоре первого этажа. Вот и моя дверь – предпоследняя с конца, почти рядом с входом и с грязным окном в торце коридора. А следующая, у самого окна – дверь Хозяйки. «От нее зависит, будет ли у меня дом этой ночью», – с неожиданным пафосом произнесла я про себя. Силы для пафоса давали три тысячные бумажки в кармане. Я постучалась. Ответа не последовало. Я приоткрыла дверь и сразу уткнулась взглядом в обтянутые голубым халатом живот и бюст. Выше – надо мной и над бюстом – помещалось недовольное лицо.

– Ээ... извините.

– А стучать не надо?!

Буквально за секунду ее глаза успевают небывало расшириться, рискуя вылезти из орбит.

– Э-мм...

– Ты где ходишь вообще? – Глаза стягиваются до обычного размера, пик гнева миновал. – Я твои вещи хранить не намерена. – Полная рука с фиолетовыми ногтями махает куда-то вглубь комнаты, в сторону плазменного телевизора. – Скажи спасибо, что я их там не оставила. А то новые жильцы забрали бы, и все.

Всматриваюсь и замечаю свою черную сумку, скромно притулившуюся около стены. Сверху в нее небрежно засунут мой старенький нетбук.

– Я принесла... деньги.

– Какие деньги?

– Ну, чтобы пожить еще.

Несмотря на то, что известие о деньгах явно вызвало ее заинтересованность, голос не стал ласковым:

– Ты бы еще через год принесла. А раньше, что, нельзя предупредить было? И так сутки бесплатно торчала.

– Я заплачу-заплачу, – торопливо сказала я. – И за те сутки, и вообще. – Меня вдруг охватил жуткий страх, что мне больше некуда идти, кроме как сюда, в мою маленькую комнатку, которую за 1000 рублей в день сдает эта женщина в голубом халате. Неужели с комнаткой что-то не так? Ее уже заняли? Ведь я уходила совсем ненадолго... Странно, что мне не

пришло в голову испугаться раньше. То есть я немного тревожилась, но далеко не так, как следовало! Например, вчера я с утра спокойно отправилась на пробежку, вместо того, чтобы впасть в ужас от грядущего выселения... Правда, именно благодаря этой пробежке я нашла ключи, благодаря которым сейчас я могу купить еду и дом хотя бы на пару дней (если дом, конечно, еще продается). Все это в один миг пронеслось в моей голове, и в конце я мысленно поблагодарила хозяев квартиры, которые не появились в нежелательный момент и невольно поделились со мной малой толикой своих запасов...

– Я сдала уже комнату. Ты ж ничего не говорила.

Ее тон стал почти сочувственным. А я почему-то сразу вспомнила узбека и двух русских девиц, которых встретила у входа. Хотя это могли быть и не они. В этой общаге почти половина комнат сдаются, причем многие – посуточно, поэтому лица все время меняются. А может, что весьма вероятно, комната еще не сдана, просто хозяйка в голубом халате решила отделаться от непредсказуемой жилицы.

– Что же мне делать? – растерянно спросила я. – А другой комнаты никто не сдает, вы не знаете?

Если Хозяйка не посылает грубо сразу, то это хороший знак. Значит, есть шанс. Она на секунду задумалась.

– Здесь – не знаю, а в 12-й может и сдадут.

– 12-я? А что это?

– Ты что, не знаешь? – Она удивилась. – Это соседняя общага, дои номер 12.

Она показала рукой направление. Ну да, здесь же три общаги стоят рядом.

– Не помню, какая там квартира... Впрочем, смотри: поднимаешься на второй этаж, и от входа... вход, как наш, с той же стороны... от входа раз-два-три... третья дверь. Хозяйку зовут Лариса. Может, у нее есть комнаты свободные.

Тревога снова начала спадать, как волна отлива. Сейчас, вот-вот сейчас я снова обрету маленькую уютную комнатку, закрою дверь, включу ноутбук, поставлю чайник... Как же это замечательно, что до меня не дошел весь ужас моего положения вчера! Наверное, тогда я не смогла бы хладнокровно провести «исследования», которые меня, как выясняется, спасли. Хотя бы на пару дней. Вероятно, это была спасительная самоблокировка психики или что-то в этом роде.

Хозяйка позволила мне под своим внимательным взглядом протиснуться в комнату и взять сумку. Молния была расстегнута. Я чуть приоткрыла отворот сумки: под белым нетбуком лежали скомканные провода – от мыши и питания, под ними – какие-то тряпки.

– Да все, все тут твое, – осекла Хозяйка, добавив в не очень цензурной форме заверение, что ей ничего из моего старого драного барахла не нужно.

Отметив мельком край какой-то одежды, которую я помнила лежащей стопкой у себя на подоконнике, а также нечто в пакете, по форме напоминающее мой чайник, я сочла за лучшее с Хозяйкой согласиться. Тем более, что нужно было спешить – в так называемой «12-й» комнату тоже могли занять. Произносить дежурные прощания не потребовалось: стоило мне выйти вон, как дверь моментально захлопнулась.

Ну да, ну да, конечно. Как же это я забыла? Вот она, соседняя общага: точно такая же блочная пятиэтажка с грязными торцевыми окнами (они коридорные, и мыть их некому). Пространство между двумя зданиями заросло кустами и мусором, по которому пытаются гулять собачники. Здесь тоже два входа, с ближнего и дальнего торца. Я захожу в тот, что расположен дальше от улицы, как и наш. Двери, как и у нас, распахнуты настежь. Магнитные замки – это роскошь, доступная лишь квартирным домам. На первом этаже шумно: бегают азиатские дети, переминаются в шлепанцах на босу ногу, ведя нехитрую беседу, русские тетki. Вдали видны еще какие-то группы. Когда я проходила мимо, ближайшие персонажи равнодушно скольз-

нули по мне взглядом, остановились на сумке, идентифицировали как типичного посуточного съемщика и забыли.

А второй этаж неожиданно оказался пустым. Разве что-то из-за какой-то двери доносилась громкая музыка. Я отсчитала третью дверь с торца и постучалась. Тишина. Ни звука за дверью. Страх снова выбрался из тайного закоулка и начал надвигаться, заполняя душу. Неужели ничего не получится?! Я постучала снова, и в этот момент заметила вдали женщину в халате: она вышла из одной комнаты и направилась в другую, напротив. Заметив меня, словно передумала и крикнула:

– Вам кого? Лару? – Она тоже задержалась взглядом на сумке. Похоже, большие сумки здесь отпирали сердца.

– Да я насчет комнаты спросить.

– Не знаю, где она. В магазин, может, ушла. – Все это было сказано с искренним равнодушием, но когда она повернулась, чтобы продолжить свой путь, равнодушие было уже деланным. – Если хочешь, жди ее. А то я тоже комнату сдаю.

Сдаваемая комната Хозяйки-2 (как и первой хозяйки, ее имени я так и не узнала; хотя вроде она называла, но я не расслышала) находилась этажом выше, на третьем, почти над ее собственной комнатой. Похоже, в наших общагах немало народу накопили себе вторых и даже третьих комнат под сдачу. Они были в лучшем положении по сравнению с теми хозяевами, кто сам жил в другом месте, так как могли постоянно присматривать за своей коммерческой недвижимостью. Бизнес тут шел довольно бойко. Судя по всему, так называемые «комнаты-студии» (в смысле, комнаты с кухонным уголком и туалетом в предбаннике) в пятиэтажных хрущевках на окраине Невского района Санкт-Петербурга были самым экономичным предложением на рынке условно отдельного жилья. Поэтому здесь роилось огромное количество узбеков и таджиков – кто на сутки-двое, пока не найдет что-то еще, а кто и подольше. Подумав, я поняла, почему как арендатор вызвала интерес: белая, тихая, одинокая, без пятерых братьев с женами и детьми. И с таким лицом, что было ясно: я никого к себе водить не буду.

Я отдала Хозяйке-2 две тысячи рублей за двое суток. Отсчет времени начали с 13.00. Значит, до 13.00 послезавтра у меня есть дом. Я как можно непринужденнее сказала Х-2, что «пока сниму на два дня, а там посмотрю, может, задержусь». Не знаю, удалась ли эта жалкая попытка выдать себя за надежного арендатора. Лицо Х-2 было профессионально-непроницаемым:

– В туалете не пачкать, воду-свет за собой выключать.

Вряд ли Х-2 верила в беспрекословное исполнение этих пожеланий: во всяком случае, в комнате было не то чтобы идеально чисто. Присутствовали явные следы предыдущих обитателей – пыльные тренировочные штаны на спинке стула, забытый носок под батареей, около кухонной раковины – чашки и пустые банки с засохшими остатками чего-то. Но все равно это был дом. Дом! Отсюда меня не выгонят целых два дня. О том, что будет потом, я решила пока что не думать. Впрочем, учитывая последующие события, я (какая-то часть меня) об этом, конечно же, подумала и уже приняла решение. Но я сама (другая часть меня) об этом пока не знала.

Глава 3. Пристанище

Тревога ушла, и я поспешила этим воспользоваться: тут же вспомнила, что из-за утренних событий пропустила пробежку. Постановив, что наступила светлая полоса, я решила отпраздновать это событие победоносным выходом. Правда, на много меня не хватило: ведь я почти не спала ночью и быстро почувствовала слабость. Обогнув квартал по кратчайшему маршруту (он у меня давно выработан на случаи небольших недомоганий) и завернув лишь для проформы на стадион (один подход к турнику и один – к наклонной доске сделать пресс), я удовлетворенно поставила себе «галочку» и зашла в магазин «Семья» за едой. Из-за пережитого напряжения есть пока не хотелось, но я предвидела, что к вечеру, когда я, может быть, счастливо отосплюсь, голод проснется. После расчета с хозяйкой оставалась еще тысяча. Надо было ее максимально растянуть. Я купила пачку дешевых макарон и кетчуп, а еще чая и печенья. Изучив до этого содержимое сумки, я обнаружила, что меня осталось еще немного соли, две картофелины, полбатона и луковица. То есть я была обеспечена даже витаминами! Моя светлая полоса оказалась прекрасна. А еще больше ее украшало то, что она обещала быть конечной. Но конец наступал еще нескоро, через целых два дня, а это – очень, очень много! Я смаковала каждый миг счастья. Сначала я сварила макароны в найденной в кухонном ящике эмалированной кастрюльке. Потом с наслаждением съела их с кетчупом и мелко порезанным луком. Посидела с чашкой горячего сладкого чая (кто-то из прежних жильцов забыл пакет сахара) и куском булки на продавленном диване с потертой обивкой. Я перебирала все возможные разновидности наслаждения. Можно лечь. Можно взять книжку, завернувшись в одеяло. Можно снова налить чая и даже порезать еще лука на батон – у меня осталось еще поллуковицы! Наконец, я вспомнила о нетбуке и решила, что было бы просто чудесно проверить, не удастся ли зайти в интернет. Нет, обнаружить здесь бесплатный вай-фай было наименее вероятным вариантом; я надеялась на другое – что по какой-то причине у меня остался трафик на какой-нибудь ранее купленной карточке. Ввиду своего плачевного финансового положения я давно их не покупала, но ведь и в интернет давно не заглядывала. Кто знает, вдруг что-нибудь осталось? Надо проверить! Но до того, как осуществить это намерение, я вспомнила еще кое-что. Мыслительная связка была простая: раз я давно не платила за интернет, значит, я не платила и за телефон. Я вдруг вспомнила, что в последнее время не слышала звонков телефона. Сколько дней? Два, три? Правда, при неоплате входящие звонки вроде бы не отключаются. Но должен ли кто-то мне звонить? Не раздумывая больше, я залезла в набедренную сумочку, где храню все самое важное, и убедилась, что телефона там нет. Неужели я оставила его в старой комнате, у Хозяйки-1? Нет, не может быть, ответила я себе, живо представив полупустую светлую коробку, внутри которой до сего дня обитала. Я определенно там ничего не оставляла. Мелочи всегда помещались в сумочке, сумочка – на мне. Выходит, телефон выпал так же, как у хозяина той квартиры – ключи. То есть – во время пробежки или упражнений на стадионе. Так. Я сегодня бегала, потом заглянула на стадион. Там я тоже ничего не оставляла – наученная опытом, специально оглянулась напоследок. А сейчас я оглянулась на турники еще раз, теперь уже мысленно. Телефона там по-прежнему не было, но не было и кое-чего еще, что я заметила только сейчас и что было гораздо важнее. Там не было моей записки с номером телефона! Вот так так... Со вчерашнего утра я совершенно забыла о ней – там много всего потом случилось. Да, точно, сегодня не было никаких следов записки. Даже шнурка нигде не валялось. Кто мог ее подобрать? Теоретически, кто угодно, а потом выбросить. Но что, если ее нашел хозяин той квартиры? Тогда он мог позвонить мне. А так как телефон потерян, то дозвониться он не смог. Тут мне пришла в голову ужасная мысль: если хозяин квартиры знает мой телефон, то он знает и то, что именно я украла у него три тысячи. Ведь известно же, что найти абонента по номеру не составляет труда. Как я могла не подумать об этом раньше, когда рука тянулась к стопке

денег?! Хотя, даже если бы я об этом вспомнила, я бы все равно их взяла. На тот момент (да и сейчас) это было важнее.

Я еще поразмышляла. Кажется, для того, чтобы найти человека по номеру телефона, он должен быть привязан к его паспорту. Привязан он у меня или не привязан? Память хаотически выкидывала спасительные варианты: а может, именно эта сим-карта могла валяться у меня со старых времен, когда кто-то отдал мне старый телефон, купленный вместе с номером неизвестно у кого? Я еще раз напряглась и попробовала восстановить в голове картинку из памяти, на которой была бы запечатлена я, покупающая сим-карту и показывающая кому-то свой паспорт. Такой картинке не нашлось. Значит, и покупки с паспортом не было? Эх, хорошо бы. Момент получения симки иным способом память тоже не сохранила, но это неудивительно: я уже привыкла, что малозначительные детали в прошлом у меня теряют резкость, как размытый фон на заднике сцены.

Если все так, то ограбленный мною хозяин квартиры будет искать кого-то другого. К счастью, я даже не знаю, кого, а то бы меня мучила совесть. А может, он и не будет никого искать, потому что потеря трех тысячных бумажек в тамошней толстой стопке незаметна. Если он и звонил по номеру, то лишь с целью вернуть свои ключи. А еще... если записку нашел действительно он, то, узнав, что ключами от его квартиры кто-то завладел, он должен был тут же поменять замки. Или, как минимум, не оставлять квартиру без присмотра. Но сегодня между 11.00 и 12.00 замок явно заменен не был. Значит, либо хозяин нашел мою записку немного позже (и мы с ним разминулись буквально часа на два! Мне невероятно повезло), либо бумажку подобрал кто-то другой. В последнем случае мне вообще ничто не угрожает. Ну да, я же не собираюсь больше *туда* возвращаться. Ну конечно же, не собираюсь!

Закрыв мысленно эту главу беспокойства, я решила еще раз подумать, где могла оставить свой телефон. Я шаг за шагом просмотрела в памяти истекшие два дня. Теоретически, телефон мог выпасть в любой момент – например, во время моей ночной прогулки. Но что-то сразу подсказало мне, что это случилось раньше. Ну конечно. В тот момент, когда я искала в сумке бумажку, чтоб написать записку, объем и количество вещей внутри уже успели уменьшиться. Руки это почувствовали. Просто почему-то не послали сигнала сознанию. Вчера утром телефона там уже не было. Да – я нашла ключи, а взамен до этого потеряла телефон. Значит, позавчера? Или раньше? Из последних сил я стала разгребать туман на дне погребя моей памяти. Но ничего определенного. Как и во всякой тусклой жизни. Позавчерашний день был точно такой же, как и позавччерашний, и так далее. Как всегда – пробежка, завтрак, потом чтение, потом какое-нибудь писательство. И все дни до этого – то же самое.

Я устала думать и решила все-таки заглянуть в нетбук. Как и следовало ожидать, интернет не работал. В браузере отражались маленькие копии ранее открытых окон. Среди них была и моя страничка Вконтакте, и я позавидовала себе-прошедшей – той, которая раньше могла свободно открыть эту страницу и получить иллюзию общения со всем миром. Так когда же в последний раз я залезала в интернет? Хоть убей, не помню: вероятно, несколько дней назад. Странно, что я не отследила момент, когда закончились деньги. Всматриваясь в манящую и недоступную копию страницы, я подумала, что хорошо бы сменить аватарку. Это была какая-то абстрактная картинка, не помню, откуда взятая. Имя тоже надо бы сменить: пафосная несурязица, написанная латинскими буквами, хороша только для младшего подросткового возраста. Что ж, решила я, подумаю над этим, когда появятся деньги.

Глава 4. Меня угощают

Еще раз повторю: я абсолютно уверена, что в тот памятный день, когда я впервые побывала в *квартире*, у меня совершенно не было мыслей возвращаться туда вновь. Я мечтала об одном – убежать побыстрее, подальше и навсегда. Однако уже на следующий день, примерно в два часа дня, я вновь оказалась под ее окнами. Тогда, в первый раз, я не обратила внимания, как они выглядят при дневном свете. Да и не приметила, где они находятся. Но в этот раз, на миг замешкавшись у поворота к парадной, я подняла голову и сразу поняла – вот оно, окно кухни. Рядом – балкон и окно большой проходной комнаты, еще левей – комнаты-кладовки. Окна были предсказуемы: такие же идеально чистенькие, новенькие и одинаковые, как и все внутри. Белые стеклопакеты. Прозрачные, как вода, стекла. Интересно, как часто их моют? Если каждый день, то вот ведь бедолага хозяйка: она весь свой краткий вечерний отдых проводит в домашних трудах. В кладовке по краям окна было заметно нечто вроде прозрачного зеленоватого тюля. Я вспомнила, что такой же висел и в спальне, когда я туда мельком заглянула. Балконное окно большой комнаты было полностью завешено похожим тюлем, только оранжевым. Вероятно, их покупали в одном магазине. А кухонное окно украшала белая рулонная штора. Сейчас она была опущена наполовину. Вчера, кажется, тоже.

Почему я решила вернуться? Объективно (я пытаюсь быть в своем повествовании максимально объективной, как ты и просил) я пришла потому, что на следующий день мне нужно было платить за комнату, а денег после похода в магазин не набиралось даже на одни лишние сутки. Похоже, вернулась временно меня покинувшая способность планирования. Например, планирования страха. Еще три дня назад, как ты мог заметить, у меня вообще не было ни копейки денег, но я не волновалась. А стоило мне почувствовать себя владелицей целых трех тысяч (быстро превратившихся в одну), как норма спокойствия повысилась. Поэтому наутро после первой ночи в новой комнате, после пробежки (это святое, я лишь после нее начинаю думать), оставшийся бюджет в 600 рублей поверг меня в ужас. Поев, затем проведя пару часов в ступоре, после чего съев остатки (за это время к лучшему, увы, ничего не изменилось), я поняла, что могу спастись только здесь, с помощью заветной шкатулочки. Но на что я могла рассчитывать? Взяв еще три, а может, четыре тысячи, я лишь отсрочила бы наступление краха. Впрочем, это я понимаю лишь сейчас. Тогда у меня не было выбора. Были лишь ключи и была квартира, которая ими отпиралась. И куча чистеньких и полезных вещей внутри. В особенности – внутри шкатулки. И надежда, что в середине дня квартира опять будет пуста, и что не хозяин квартиры нашел номер моего телефона. Я подошла к двери.

Холодное липкое оцепенение в теле в момент, когда я прикладывала ключ-таблетку, входила в подъезд и делала первые шаги по лестнице, было похожим на вчерашнее. Но – видимо, мозг не терпит абсолютных повторений – оно все же было чуть другим, меньшей интенсивности. Внимание уже выхватывало из пространства детали, которые вчерашняя я, полностью занятая страхом, не зафиксировала. Например, пол лестницы был выложен квадратиками из линолеума. В одном месте кусочек квадратика отвалился, и виднелся голый пыльный бетон. Я заметила, что напоминаю себе о необходимости бояться: «А вдруг на сей раз хозяевам понадобилось остаться дома? Или они внезапно вернутся, вот прямо сейчас?» Сознание реагировало, но более вяло, чем ожидалось. Уже почти поднявшись, я вспомнила, что совершила промах: забыла для проверки позвонить в квартиру через домофон. Я уже хотела вернуться, как в голову пришла спасительная идея: я просто позвоню в дверь, а если (не дай бог) мне откроют, то попробую изобразить из себя продавца какой-нибудь лабуды. При первых же фразах, сказанных с соответствующей интонацией, дверь передо мной непременно захлопнется, и я буду спасена.

Вот и дверь. Я позвонила. Дурацкие трели звонка отыграли два цикла, потом – тишина. И в этот момент послышался звук открываемой двери этажом выше. Медлить было нельзя. Я вставила и мгновенно провернула верхний ключ четыре раза, затем воткнула ригель. Не успел невидимый жилец сверху закрыть за собой дверь, как я уже запираю свою. Боже! Удалось. В квартире была тишина. Несколько секунд сохранялась опасность 1) появление кого-то из недр квартиры, 2) звонка в дверь того субъекта, который слышал закрывание моей двери; если это была, не дай бог, какая-нибудь приятельница хозяйки, которая жаждет с ней поговорить. Но гроза миновала – шаги спокойно прошли мимо двери вниз. И «моя» квартира тоже оставалась нема. Я была в безопасности. По крайней мере, на пару часов.

В прошлый раз мне и в голову не пришло снять обувь – так я спешила. На сей раз я успела подумать, что следы (хотя на улице было сухо, но все же) могут обратить на себя внимание. Поэтому, презрев опасность задержки в случае погони, я все-таки сняла кроссовки и оставила их у двери. Первым делом зашла на кухню. Все было точно так, как в прошлый раз (или мне показалось?). Хозяйева, видимо, фантастические аккуратисты: на столе и у мойки не было ни одной немойтой чашки. Чистый стол, покрытый скатертью с красно-белым рисунком, на котором четко посередине красовался фигурный поставец с солью и перцем: две солонки-собачки из фарфора, сидящие в плетеной корзинке. Измученный страхом мозг прямо таки впился в них вниманием, ища успокоения. Да-да, пошло, но вместе с тем трогательно! Холодильник соответствовал собачкам: белая дверца украшена аккуратными рядками магнитиков с изображениями разных курортов и заграничных городов, куда ведут популярные интуристские тропы. Я бегло заметила названия Хорватии, Турции и Египта, а также Дрездена и Парижа. В семье явно есть лишние деньги на ежегодные загранпоездки, подумала я (ты думаешь – с завистью? Боюсь, ты прав. Нехорошо завидовать, особенно тем, кто волей-неволей оказывает тебе большую услугу. Но я обещала писать только правду).

Я заглянула в холодильник. И сразу почувствовала острейший голод. Смотреть на это спокойно было невозможно. Дорогой импортный сыр «с плесенью», две коробочки, одна из которых начата! По меньшей мере три упаковки различных аппетитных копченостей, оттенков от нежно-розового до пурпурного, одна из которых – салями в нарезке – тоже заманчиво открыта. Дверные отсеки забиты яйцами. Ах, как же я люблю яйца! Также был затейливый черный хлеб, начиненный всевозможными семечками и орешками (люди, которые не знают, на что потратить деньги, обычно покупают именно такой). Куча йогуртов и прочих пудингов (я имею в виду разные сладкие кремообразные субстанции, скрытые в стаканчиках с металлизированными пленками-крышечками. О, я знаю их вкус! Но как же давно я не ощущала его на своем языке!). Несколько сладких плюшек в упаковке. В морозилке – мясо, рыба, замороженные овощи. И мороженое. Светло-зеленое, фисташковое!

Я фантастически быстро приняла решение, и еще быстрее объяснила его своей совести. Позаимствовать немного продуктов из холодильника в сравнении с тем, ради чего я пришла – это даже не кража, не правда ли? Это как будто хозяйева решили меня угостить. И, хотя формально голодной я не была, после знакомства с холодильником я испытала мучительное мультисенсорное желание. Эти цвета, эти поверхности, эти запахи, вкусы! Нет, я не смогла бы уйти, не приобщившись к ним. Быстро оглянувшись, я нашла то, что требовалось: специальное пластиковое хранилище для полиэтиленовых пакетов. Вытащив через дырочку один из них – он оказался чистым – я быстро добыла из открытой упаковки салями несколько ломтиков. И вновь я утешала себя мыслью, что хозяйева, конечно же, ничего не заметят. С их-то загранпоездками! С сыром было сложнее: пришлось достать из стаканчика с металлическими приборами ножик, аккуратно отрезать кусок, закрыть коробочку, а ножик вымыть, вытереть полотенцем и поставить на место. Следом в пакет отправились две упаковки кремообразных вкусов в стаканчиках и штук пять яиц, которые я постаралась взять из самых дальних углов яичных полок (там точно не заметят). Заодно прихватила сырок в шоколаде (их тоже было несколько),

оторвала из связки один банан и, поколебавшись немного, взяла одну плюшку. После моего набега общее ощущение наполненности холодильника не изменилось (во всяком случае, на мой взгляд). Правда, если хозяйка точно помнит, что у нее было три плюшки, а стало две, то она может задать вопрос мужу, а не он ли ее съел... Впрочем, думать было некогда. Я отнесла наполненный пакет в прихожую и поставила рядом с кроссовками, а сама прошла в гостиную к шкапу. Здесь тоже ничего не изменилось, хот в глаза опять-таки бросилось несколько новых предметов, которые я не заметила раньше. Например, на стене висела «концептуальная» фотография большого формата – какой-то коллаж из городского пейзажа с небоскребами, граффити и красного отпечатка следа ботинка со стекающими кровавыми каплями. Жалкая пародия на авангард 60-х, беспомощная претензия на глубокомыслие. Или нет, скорее всего – вполне осознанная попытка угодить дурному вкусу тех, кто взаправду считает это «высоким искусством». Небось, все эти ИКЕИ подобным образом низвергают искусство по сто штук за день. Скорее всего, картинку подарили хозяевам на день рождения: это самая правдоподобная версия происхождения в домах таких предметов. К тому же, ягуаровые ботфорты и красная куртка в прихожей, а также фарфоровые собачки с коллажем не очень сочетались: это были определенно разные грани пошлости. Хотя при желании можно подобрать и солонку с претензией на постмодернизм, и тогда вся пошлость в квартире будет одного жанра. Я почему-то задумалась над тем, кто и по какому случаю подарил хозяевам каждый из предметов. Можешь не продолжать, я знаю: это была все та же зависть. Мне-то никто ничего не дарил, ни пошлого, ни какого бы то ни было еще.

Между тем я уже открывала заветную шкапу. Пачка купюр не показалась мне тоньше, чем вчера: либо ее докладывали, либо, как я и надеялась, исчезновение трех бумажек не повлияли на ощущение целого. Сколько взять? Внутренний голос говорил: «Не менее пять тысяч, чтобы иметь возможность подольше не возвращаться сюда». Разум спорил: «Отсутствие пяти бумажек будет заметно. А вкупе с подозрением, что что-то исчезло из холодильника...». Я перебила возражения разума мыслью, что что-то же надо делать, и назад пути все равно нет. Выход был найден. Под пачкой тысячных купюр, как и в прошлый раз, лежало несколько пяти-тысячных. Неуверенно повторяя про себя заклинание «они ничего не заметят», я вытянула одну. Следом – одну тысячную. Минус два листка. С виду пачка не уменьшилась. Вроде бы.

Опять, как и в прошлый раз, после завершения «дела» вернулся страх. Я снова неуклюже бросилась к дверям, как будто именно сейчас выигранные пара секунд могли спасти меня от разоблачения. Раз, два – кроссовки натянуты. Посмотреть в глазок, прислушаться у двери – все тихо. Побейте, и с богом.

На сей раз соседи моих неизвестных благодетелей поберегли мои нервы и не встретились мне на лестнице. Уже задним числом я поняла, что продукты лучше было сложить не в полупрозрачный пакет, а в плотную сумку: незнакомый человек, выходящий из чьей-то квартиры с подобным продуктовым набором, может вызвать подозрение. Впрочем, это было уже неважно: в этот момент я твердо знала (в очередной раз), что больше здесь не появлюсь. Теперь это становилось объективно опасно. Если после сегодняшнего визита у хозяев возникнет (усилится) подозрение, то они могут подготовиться: например, спрятать где-нибудь работающую камеру. Не знаю, как это делается технически, но ведь как-то делается. Нет, увы, с гостеприимной сытой квартирой покончено.

Глава 5. Николай

Так я думала, спешно удаляясь в сторону дома. Так я думала, передавая хозяйке комнаты деньги еще на четыре дня вперед – четыре тысячи, и получая назад сдачу с пяти. Я чувствовала себя олигархом – ведь у меня оставалось еще 2600! Теоретически был выбор – платить или не платить. Не платить – то есть куда-нибудь переехать. Да нет, конечно – выбора нет и переехать мне некуда. И за 4000 рублей я просто покупаю отсрочку раздумий обо всем этом. А еще я понимала, что, по мере повышения планки благосостояния момент прихода раздумий будет наступать все раньше. Уже сейчас можно прогнозировать их появление через три дня. А раз я уже сейчас прогнозирую их появление, то, можно сказать, они уже появились. Прощай, счастливая беззаботность.

Сразу скажу, что через несколько дней я нарушила свой зарок и снова отперла ключами дверь *квартиры*. Но произошло это не совсем из-за того, что у меня кончились деньги. Из-за чего – сейчас объясню. Для этого надо рассказать еще кое-что.

Мои безмятежные дни после обретения мешка продуктов и шести тысяч рублей начались, как обычно, с целительного спорта. Кажется, вначале я говорила, что ежедневные пробежки и затем упражнения на стадионе служат мне неким эрзацем смысла жизни (или я говорила немного не так? Ну да неважно). Впрочем, в конце импровизированной утренней тренировки мысли мои настолько очищались, что чувствовала себя *почти* счастливой. Так вот, начиная со следующего утра после второго посещения квартиры, у меня наступило уже *совершенное* счастье. Дело в том, что в это утро, в момент кульминации физкультурогенных положительных эмоций, на стадионе появился *молодой человек*. Собственно, ничего необычного в этом не было: по утрам к турнику нередко приходили люди спортивного вида и мужского пола, чем ближе к лету – тем чаще. С некоторыми я даже пересекалась несколько раз. С некоторыми даже пару раз здоровалась. Стоит ли говорить, что такое соседство заметно повышало если не мои спортивные успехи, то мотивацию и хорошее настроение. Никто из них ни разу не изъявил желания познакомиться со мной поближе. Но, если вдуматься, мне предпочтительней было существовать в вечном предвкушении знакомства с ними, нежели дожидаться его осуществления. Тайна, надежда, ожидание неведомого – это гораздо лучше реальности, в которой я боялась разочаровать и мужчин, и себя. (Не подумай, что я напрашиваюсь на комплимент: просто я честно пишу то, что действительно чувствовала в тот момент). Поэтому я почти не разочаровывалась (надеюсь) оттого, что они исчезали, практически не заметив меня.

В связи с этим я весьма удивилась, когда этот *молодой человек* (МЧ) повел себя так странно. В том смысле, что он явно заинтересовался мною. Нет, разумеется, я испытала необходимый в таких случаях трепет, приятный холодок, страх оттого, что не смогу повести себя достойным образом и вот-вот разочарую объект, что я такая дура и опять упущу свой шанс и т. д. Но доминировало над всеми чувствами, что уж говорить – радость. Тем более что МЧ, на мой взгляд, был очень привлекателен. Наряду со всевозможными мужскими достоинствами (он солидно выглядел и на турнике, и на брусках) МЧ отличало по-женски изящное лицо, причем это его ничуть не портило. Темная масть при нежно-белой коже, точеные, как будто нарисованные, очертания бровей, тонких губ и носа. И еще – у него были слегка вытянутые внешние уголки глаз. Кажется, о таких говорят – «с глазами лани». А может, это про другие. Нет, пожалуй, все, что сравнивают с ланью, относится к крупным, мясистым чертам средиземноморского или иранского типов... А заинтересовавшийся мною господин однозначно принадлежал к североευропейскому. Его черты были чертами красивой женщины, грамотно вписанные неизвестным ваятелем в законы мужского лица.

Я еще не утомила тебя описаниями своих восторгов? Просто ты попросил уделить ему особое внимание, вот я и стараюсь. Еще при первой встрече я встревожилась оттого, что в

своим поведением господин МЧ абсолютно совершенен. Ведь это значит, что несовершенства откроются позднее. Он вполне отвечал типу рафинированного петербургского интеллигента, употреблял в речи весь необходимый набор оборотов, характерный для этой разновидности людей. Он был исключительно любезен, остроумен, эрудирован. Он был чуток. В том смысле, что он сразу избрал единственно правильный метод сближения с женщиной в данных обстоятельствах (я имею в виду занятия на спортплощадке). Этот метод я бы назвала «тренер-отец». Желая познакомиться самец должен начать аккуратно наставлять самку в ее занятиях спортом. Как бы невзначай заметить, что при подтягивании на турнике следовало бы схватиться руками вот-вот немножко по-другому. И что от этого дело сразу пойдет на лад (оно так и будет, потому что возникшая эротическая энергия в теле женщины даст дополнительную силу мышцам – это я знаю по себе). Следует показать несколько новых упражнений (параллельно поражая ученицу способностями своего прекрасного тела). Желательно при этом неумолчно трещать языком, невзначай касаясь многокилометровых марафонов, которые ты ежедневно успеваешь пробегать до работы, и важно давая советы по поводу убережения коленных суставов (элемент «отеческой заботы»). Пару раз в своей жизни, помнится, я сподобилась удовольствия быть объектом именно такого спортивного флирта, поэтому могу сказать, что МЧ исполнил ритуал качественно и творчески. В чем-то, пожалуй, даже лучше других. Он ухитрился быть во время первого сеанса удивительно серьезным (у других все-таки мелькали едва заметные искорки в глазах, показывающие, что они знают истинную цель этого «наставничества»). А МЧ даже ни разу не улыбнулся. Создавалось ощущение, что ему действительно чрезвычайно важно прямо с этого дня начать готовить из меня большую спортсменку (и, кто знает, спутницу его марафонов). И что он в самом деле верит в то, что мое далеко не самое молодое тело способно еще выдать спортивные рекорды.

В первое утро, как предписывают приличия (мои приличия), я постаралась убежать со стадиона раньше его (дабы не навязывать ему необходимость меня провожать). Кажется, я успела исчезнуть настолько быстро, что он даже не догадался спросить меня, часто ли я тут бываю («и в какое время?», «а завтра собираетесь?» – вот чего я жаждала и боялась не услышать). Весь день, как водится, я пребывала в состоянии эйфористического восторга. Все казалось мне прекрасным, и в мечтах я уже успела несколько раз выйти замуж, потом расстаться и затем вновь бурно и со слезами воссоединиться (это самый сладостный сюжет мечтаний). Конечно, я опасалась горького разочарования, если МЧ завтра не придет (что, скорее всего, и случится, думала я, ведь мы не договорились о времени встречи, поэтому запросто можем разминуться). На следующее утро, перед тем, как начать утренний забег, я было подумала, что не будет ли мое пунктуальное появление в то же самое время выглядеть чересчур навязчивым и выдающим мое желание продолжать общение. На это я сама себе возразила, что, даже если бы я ни секунды не думала о вчерашнем герое, то у меня не было бы иного выбора, кроме как прийти именно в этот час. Предположим, я работаю, и сразу после тренировки мне нужно спешить к метро, поэтому я всегда прихожу где-то в 8.30, после бегового маршрута... Словом, я решила об этом не думать. Тем более, что, возможно, он и не придет, чем разом снимет мои сомнения.

По-видимому, я все-таки в глубине души верила, что он не придет, и что стадион к моменту моего появления будет пуст. Потому что, когда я выбежала из узкого прохода между домами, миновала взглядом последнее препятствие – большой куст – и вдруг увидела, что на стадионе кто-то есть, явно лицо мужского пола, это показалось мне чудом. От робости я замедлила шаг. Еще через секунду я убедилась, что это МЧ.

В конце второго сеанса мы уже специально договорились встретиться на другой день в 8.30, и следующим утром я уже не робела. Каким бы нереальным это не казалось, но меня ждали и хотели увидеть! Это было доказано. На третий раз общение вышло за пределы физического самосовершенствования и касалось попеременно литературы, политики и ужасов кон-

сюмеристского общества – обычных тем для малознакомых людей 25–35 лет, принадлежащих к интеллигентской субкультуре. Добавлю, что названия литературных шедевров, упоминаемых МЧ, мне почти ничего не говорили. Видимо, это было что-то уж очень «не для всех». Ругать общество потребления мне, чье пропитание было обеспечено не более чем на три дня вперед (да не стоит упоминать, каким способом), тоже не очень пристало. Поэтому на его сентенции я лишь понимающе мычала. Он мне действительно очень нравился – красивый, умный, ладный во всем и, самое главное – расположенный ко мне, что является исключительной редкостью. Как ни странно, МЧ как будто бы совсем не тяготился моими провалами в образовании: напротив, он желал их заполнить. Терпеливо, с явным удовольствием он рассказывал мне о каком-то очень авангардном американском писателе или растолковывал противоречия морали и этики. При этом к сближению со мной лично (то есть как с женщиной из плоти, а не только благодарной слушательницей) МЧ словно бы и не стремился. Он оставался предельно ровным. Честно говоря, я даже забеспокоилась – верно ли я себя веду? Может, мне следует проявить какую-то инициативу? Однако увлеченность его речи исключала, что он чем-то не удовлетворен.

И вот, в конце третьей совместной тренировки (и потом продлившейся примерно столько же беседы на отвлеченные темы) он вдруг предложил проводить меня домой. Причем производить это очень быстро и тише, чем все остальное, как будто бы борясь с нерешительностью. Возможно, он робеет не меньше, чем я, решила я, просто мастерски это скрывает? И, хотя это предложение меня несказанно обрадовало, я тут же испугалась, что мне будет тяжело «держаться» в течение еще пятнадцати минут. Я решила себя не мучить и на сей раз сбежать. Ведь будет еще следующий раз, верно? Вот тогда я хорошенько морально подготовлюсь. Я быстро залепетала про то, что сейчас я иду не домой, и что очень спешу, и что давайте лучше прогуляемся завтра.

– Кстати, а как вас зовут? – бодро спросила я, пытаюсь снять впечатление о своей позорной трусости. В этот момент я с удивлением подумала, что за три дня общения мы почему-то не задали друг другу этого вопроса. Хотя любой ритуал знакомства подразумевает обмен информацией об именах партнеров. Странно.

– Николай. – Он произнес это после секундного замешательства. Может, за эту секунду он успел подумать то же, что и я? Но нет, видимо, он подумал что-то другое. Потому что, когда я уже удалилась метров на десять, успев с улыбкой помахать рукой и сказать как можно беспечнее «ну, тогда до завтра», он вдруг произнес: «Лена». Он не спросил в ответ, как зовут меня, что было бы самым логичным. Он сказал это с утвердительной интонацией. Я замерла и повернулась. Лена? Ну да, конечно же, Лена. Ведь Лена – это мое имя. Так меня зовут. Он назвал мое имя, поэтому я и повернулась. Сейчас требуется отозваться.

– Да-да?

Только тут я сообразила, что меня удивило. Ведь я не называла ему имени Лена. А он – не спрашивал. Почему же он знает его?

– А ты случайно не в общежитии живешь? Там, на Красных Зорях? – он махнул рукой в сторону общаг.

– Ну... да. – Я все еще по инерции улыбалась.

– А я тебя видел, когда шел, – он помедлил – к метро.

– Ага, ага. Ну, до завтра, до девяти! – я повернулась и быстро-быстро зашагала в сторону, противоположную той, откуда МЧ обычно появлялся. Имя Николай никак не надевалось на него. К тому же, он произнес его не сразу, а с задержкой... Может, это не его имя? И то, что он откуда-то знал мое имя... и то, что... Тут я чуть было не остановилась. Но вместо этого еще ускорила шаг. Я готова была поклясться, что мы не переходили на «ты». Клянусь, нет! Почему он вдруг сказал «ты» именно сейчас? Он забылся? Нет, здесь что-то другое. Мне хотелось оглянуться, но стало страшно. Я обогнула один дом, убедилась, что МЧ за мной не идет. Затем сделала поворот на 90 градусов и быстро зашагала в сторону бульвара Красных Зорь. Домой?

Общага рядом. Но нет, не сейчас! Увидев магазин «Семья», я зашла внутрь. Прощмыгнув между длинных узких проходов, уставленных всевозможной едой, спряталась в закутке около туалетной бумаги и женских прокладок: выглядывая оттуда, можно было видеть вход.

Здесь я решила успокоиться и разобраться. Что меня напугало? Ну да, МЧ обнаружил странную осведомленность о моем имени. С другой стороны, а что здесь такого? Он ведь сам сказал, что видел меня раньше, когда ходил мимо общаги... Хотя при этом он все равно не смог бы узнать моего имени, потому что среди соседей я не помню никого, кто бы обращался ко мне по имени. Вряд ли там вообще кто-то кого-то запоминает. Моя нынешняя хозяйка, Х-2, кажется, даже не спросила имени – просто посмотрела в паспорт и убедилась, что он настоящий. Про прежнюю хозяйку уже не помню, но, вероятно, она сделала также. А может, он сказал наугад и попал? Он ведь вроде произносил его как-то неуверенно. Но почему он решил собрать все тревожные сигналы – имя, переход на «ты» и информированность о моем адресе – и направить их мне одновременно? Причем в момент, когда я явно была безоружна, потому что уже расслабилась, потому что думала, что стрессовая ситуация общения закончилась, и что я иду домой отдыхать. И именно в этот момент он подстерег меня и словно ударил кулаком по голове! Если он сделал это специально, то зачем? Он хотел меня испугать? Почему?

Конечно же, я знаю, почему, вдруг подумала я. В глубине души я знала этого с самого начала, просто боялась выпустить из глубины на поверхность. МЧ – это хозяин ключей и хозяин квартиры, которую... ну скажи же это, ну скажи, ну не будь трусом! – я уже дважды обворовывала. Вот и вся разгадка его необычного внимания. Конечно, я взяла немного, и для него это небольшая потеря, но для уголовной статьи уже достаточно. Должно быть, он еще в первый раз обнаружил пропажу денег. После моего второго визита убедился окончательно. Как он нашел меня? М-м... А бумажка с телефоном? Вероятно, он в первое же утро пошел искать ключи, только вернулся на стадион немногим позже того, как я оттуда ушла... Выходит, он тоже был регулярным посетителем стадиона? Почему же я раньше его никогда не встречала? И почему в течение этих трех утр, когда мы с ним изображали предвестие ухаживания, я ни разу не задала себе и ему этого вопроса? Он появился внезапно, и меня это не удивило. Наверное, он всегда приходил заниматься намного раньше меня. Часов так в 7.30 или около восьми. Потому-то мы ни разу не встретились. А может, раньше он ходил на какой-то другой стадион, и именно в день пропажи ключей почему-то решил посетить этот. И тут с ним произошла неприятность. Он вернулся домой... хотя нет, как он мог попасть домой без ключей? Ах, ну да. Он же живет не один. Он живет с леопардовой женщиной. У них стоит на кухне солонка в виде собачки, а в комнате висит вульгарно-модернистский коллаж. Значит, он живет среди всего этого и это все ему нравится...

На секунду я даже забыла о том, что меня выследили, что я преступница и мне надо бояться поимки. Мысль о том, что красивый и чудесный МЧ, с его вытянутыми уголками глаз, преспокойно живет среди вот той обстановки и что он привязан к женщине в ботфортах, вызвала у меня боль в районе сердца. Да-да-да, вот так оно и есть, смиришься.

...Он вернулся на стадион. Найдя мою бумажку, он, вероятно, позвонил по телефону. Но телефон я потеряла. Поэтому ему либо никто не ответил, либо ответил какой-нибудь субъект, который подобрал телефон. Наверное, какой-нибудь узбек, который утром спешил на свою стройку, и вот тебе, какая удача. В любом случае, нашли мой телефон или нет, к ключам МЧ это не приблизило. И тогда он стал ходить на стадион каждый день, надеясь встретить того, кто взял его ключи. На второй день он меня не застал, а вот пропажу денег вечером обнаружил. Ну конечно же, он точно знает, сколько там у него в шкатулке. Было глупостью надеяться, что нет. Ведь я же знаю, сколько у меня денег – все до копейки. Отчего же я решила, что люди, посещающие заграницы, не считают свою наличность? Он сразу все понял и принялся ловить меня с удвоенным рвением. Все. Я потеряла свою мечту. Добро пожаловать в реальность.

Я медленно вышла из магазина. Я даже не подумала о том, что МЧ может поджидать меня у выхода и схватить, раскричавшись на глазах у всех, назвать воровкой. Мне просто нужно было двигаться. Куда-то идти. Я пошла в сторону парка Куракина дача. По нему иногда пролегла вариация моего бегового маршрута. А еще там были скамейки, и мне сейчас безумно хотелось опуститься на одну из них. По пути я представляла себе, какими жесткими стали прекрасные глаза МЧ, когда он выслеживал своего врага. Совсем не такими, как сегодня, когда он небрежно рассуждал о конце модернизма как глобального культурного тренда. Странно, что он не застиг меня на стадионе на день раньше. Ведь уже с третьего дня после истории с ключами я возобновила утренние упражнения, а с МЧ встретилась только на четвертый. Он должен был сообразить, что ключи были унесены точно в промежуток между его тренировкой и последующим возвращением. И это, вероятно, был довольно краткий промежуток. Все-таки удивительно, что мы с ним тогда не пересеклись... Хотя нет. Вот как все было. МЧ (нет, его зовут не Николай, это точно не его имя!) узнал о пропаже не утром. Почему днем у них никого нет дома? Потому что и он, и его ботфортная сожительница по утрам сидят в своих офисах. А почему он приходит тренироваться так рано? Наверняка потому, что у него либо какой-то очень строгий офис, где надо быть с 9.00 (такие бывают), либо он находится очень далеко. Так вот, после тренировки он вообще не забегает домой, а сразу едет на работу. Поэтому он обнаружил отсутствие ключей лишь вечером, когда подошел к двери и стал шарить в карманах. Или в своей набедренной сумочке – у него есть похожая на мою. Нет, подожди. Получается, что на работу он едет в спортивном костюме? А может, у него тогда был рюкзачок за спиной, куда он складывал свое цивильное облачение, а на работе переодевался? И вообще, он ведь может приезжать на стадион на велосипеде и на нем же потом ехать на работу. Я иногда видела на стадионе следы шин... Ну, да, конечно, это был его велосипед! Все сходится. Хотя нет... Велосипед в кладовке был очень пыльный. Нет, он был пешком. Да какая разница?!

Я сидела на скамейке в парке. Мимо проходили первые посетительницы с колясками – некоторые мамочки вывозят малышей очень рано... Так вот почему он не обнаружил меня сразу! Он снял записку только вечером (выходит, она столько провисела!) и поэтому не знал, когда именно забрали ключи и в какое время я обычно прихожу. А я была так глупа, что после кражи денег как ни в чем не бывало продолжала приходить на стадион в тот же самый час, что и всегда! Оставив столько улик – украденные дважды деньги, бумажку с телефоном! И даже не думая, что меня могут здесь искать. Да, я вполне заслуживаю того, чтобы меня поймали. Ну а потом все понятно – после пары неудачных попыток МЧ меня все-таки встретил. Разговорил. Да, но как он догадался, что это я? Что это я – воровка? Мы точно ни о чем таком не говорили, и он не задавал наводящих вопросов. Ни о потерях ключей, ни о кражах.

Я была уже готова ухватиться за спасительную мысль о том, что МЧ пока ничего не знает наверняка, и что я – всего лишь одна из его подозреваемых. Но потом сопоставила еще несколько фактов. Он назвал мое имя. И у него был номер телефона. Мои самоуспокоительные рассуждения о том, что номер не связан с паспортом, ничего не стоят. Видимо, прекрасно связан, просто я об этом забыла. А дальше – дело техники. Наверняка у части людей есть какие-то знакомые, которые могут «пробивать» номера телефонов через какие-то загадочные базы. Так вот, вероятно, МЧ – один из таких людей. У него есть нужные знакомые. Они «пробили» номер, сообщили ему имя того, на кого он зарегистрирован. А как он узнал, где я живу? Да неважно, как. Видимо, хозяйки комнат неофициально обязаны сдавать информацию о жильцах в эти же таинственные базы, чтоб потом их там могли найти чьи-то компетентные знакомые. Вот и все. Все легко и просто. Наверное, в этих базах также содержатся сведения о моем возрасте. Вот он и сопоставил: пол – сходится, возраст – примерно сходится. Осталось выяснить насчет имени и адреса, и все станет ясно. И сегодня он решил это сделать. Провожаться домой я отказалась, чем сняла его последние сомнения. Теперь и ему все ясно, и мне.

Наверняка он уже сбежал в полицию и написал заявление. Возможно, меня уже ищут. Значит, скоро найдут. Надо успеть убежать. Но куда? Ладно, подумаем об этом потом, а пока нужно спасти свои немногочисленные сокровища – сумку с теплой одеждой, чайник, нетбук. Деньги всегда при мне в набедренной сумочке. Я встала и быстро направилась к пешеходному переходу. Перейдя улицу Бабушкина, я свернула во двор к общагам – так было быстрее. Но, пройдя несколько шагов, я в ужасе замерла. В самом дальнем конце длинного дворового проезда, ближе к противоположной стороне квартала, я различила знакомую фигуру, двигавшуюся навстречу. Между нами было метров двести. К счастью, передо мной влеклось еще несколько человек – женщина с коляской, старушка и еще кто-то. Дальше тоже были прохожие, заслонявшие обзор. Я успела заметить МЧ, а он меня, вмиг спрятавшуюся за мамочку с коляской, не успел. Я хотела бы метнуться в сторону, но подумала, что резкое шевеление на дальнем горизонте может привлечь его внимание. Но в тот момент, когда я уже была готова плюнуть на маскировку и убежать влево, назад к стадиону, я вдруг заметила, что он тоже свернул. Ну да, к общежитию. К моему старому общежитию! Пожалуй, тут следовало немедленно ретироваться, но я интуитивно приняла другое решение – не знаю, почему. Бежать сейчас в свою комнату спасать вещи я все равно бы не решилась. Слишком близок был враг, и я не была уверена, что успею проскочить до того, как его направят во вторую общагу. Тогда я осторожно свернула к ней, обошла здание с торца и стала наблюдать за первой, встав за большим кустом. Окно моей первой хозяйки я вычислила сразу: она даже днем всегда держала включенным свет. Точно, вот оно. Занавески – похожие. Вроде бы в глубине, у двери, двигались какие-то силуэты, но издали разглядеть было невозможно. Подойти поближе, конечно же, я не решалась. И вдруг к окну приблизились двое. Я чуть было не бросилась бежать, но, к счастью, сдержалась. Куст меня скрывал надежно. Это были они – Хозяйка-1 и МЧ. Только сейчас я поняла, какая она высокая. Стоя рядом с красавцем МЧ, она была с него ростом, а ведь он выше меня на голову. Тут я снова ощутила, как мне больно, что МЧ – мой враг, что он хочет меня наказать, что я виновата перед ним. Ах, отчего же нельзя все вернуть назад, чтобы не было этих ключей, а МЧ на стадионе – был! Но, ответила я себе, ведь это никак невозможно логически. Во-первых, если бы не потерянные им ключи, я бы сейчас, может, уже умерла с голоду. В лучшем случае – стала бы грязным бомжом, питающимся из бачка, и уж точно бы не привлекла его внимания. А самое печальное – что я и в чистом, приличном виде не привлекла бы его внимания, потому что его с самого начала интересовала не я, а объект, присвоивший ключи.

Между тем Х-1 что-то показывала рукой МЧ, и показывала именно в сторону моего нынешнего общежития. Видимо, она объясняла, куда я должна была отправиться снимать комнату. Судя по движению ее рук, она показывала не на ту его часть, где я в действительности поселилась, а в другой конец дома. Ага, вот оно что: она показывала комнату своей знакомой, у которой я *должна была* снять комнату. Через секунду оба отошли от окна. Теоретически, у меня была фора: МЧ не знал моей настоящей комнаты. И не факт, что быстро узнает. Даже если вздумает методично ломиться в каждую дверь и спрашивать про меня, ему понадобится не меньше часа. К тому же, он начнет ломиться со второго этажа, а я живу на третьем. Но что мне это дает? Попытаться пробраться в комнату и вынести свои вещи было слишком рискованно – мы могли столкнуться на лестнице. И я лишь переместилась за соседний куст. Оттуда меня по-прежнему не могла видеть Х-1, даже если бы вновь подошла к окну, а у меня появлялся обзор пространства между двумя общагами, где МЧ неминуемо должен был пройти. Действительно, спустя пару минут он появился. И вскоре скрылся в подъезде. Не долго думая, я сделала обход здания по большому кругу и снова вышла на дворовой проезд. Там я заняла удачный наблюдательный пункт: прямо напротив входа в общагу хаотично громоздились помойные бачки, кусты и крупногабаритный мусор. На такие области пространства обычно избегают бросать взгляд, и за бачками я чувствовала себя в безопасности. Как и следовало ожидать, МЧ не появлялся очень долго. Само собой, подумала я, ведь ему предстоит бесплодно поговорить с моей

неудавшейся арендодательницей, а потом, сообразив, что я могла спонтанно снять комнату у кого-то другого, обойти по ее рекомендации всех местных хозяек. В принципе, удача могла бы ему и не улыбнуться – он мог бы и не застать Х-2, которая также случайно не оказалась бы дома, как в свое время дома ее конкурентша. И тогда ему придется уйти ни с чем. Но я никогда не узнаю, с чем-то он уйдет или не с чем, потому что сама я никогда больше туда не вернусь. Это я понимала очень хорошо. Прощай, уютная комната! Путь к тебе теперь отрезан.

Часов у меня, по причине отсутствия телефона, с собой не было. Дома я пользовалась старыми электронными часиками, оставшимися от прежних жильцов, но теперь у меня не было и дома. Поэтому я не знаю, сколько прошло времени. Может, минут сорок. А может, и час. И вдруг я его увидела. Но он не просто вышел. Он выскочил бегом, а за ним бежала шумовая волна из визгов и топота. Топот выскочил следом – это был какой-то молодой таджик. Кажется, он был из семьи, которая тоже снимала у Х-2 комнату, по соседству с моей. Через несколько мгновений выбежала и она сама, за ней – еще пара таджичек. За это время МЧ успел гигантскими шагами преодолеть почти весь проезд в сторону улицы Седова – он спасался туда же, откуда пришел. Таджик тоже был весьма прыток, однако все же быстро отстал, потом замедлил шаг и, наконец, остановился. Похоже, что МЧ не был его личным обидчиком, и он догнал скорее из услужливости. Перед кем? Ага, перед Х-2. Она неуклюже пробежала несколько шагов и тоже остановилась. Вскоре таджик вернулся к ней. На некотором отдалении вежливо остановились таджички. Х-2 громко ругалась, отдувалась и жестикулировала, однако преследовать МЧ не пыталась и таджика к этому не побуждала. Видимо, у нее тоже не было особых к нему счетов. Почему же он убежал? Кажется, у него было что-то под мышкой. Большое и темное. Ах, боже! Я же увидела ее, как только он выскочил, только внимание сразу переключилось... Моя сумка! Он убежал с моей сумкой. У нее еще такая красная полоска сбоку, и она была хорошо видна. МЧ украл мою сумку! Зачем?!

В это время Х-2 и таджик неторопливо, то и дело оглядываясь в сторону бегства МЧ (впрочем, оглядываясь скорее ритуально), вернулись в подъезд. К ним присоединились таджикские дамы: видимо, они стали лишь свидетельницами погони, и теперь непосредственные участники громко пересказывали им всю историю. Я расслышала лишь обрывки фраз: «Я говорю, смотри...»... «тут вырывает», «кричу – ... куда...!», хорошо сдобренные матом. Несколько раз прозвучало слово «полиция», после чего я в очередной раз поборолa в себе желание немедленно сбежать. Чтобы заявиться в мою комнату, и речи быть не могло. Хотя похоже было на то, что сейчас именно я выступала в роли жертвы грабежа: МЧ каким-то образом проник в мою комнату (возможно, хозяйка его провела), схватил мою сумку и убежал. И все-таки мне не следовало показываться. Я подождала в укрытии еще примерно с полчаса, после чего увидела подъезжающую полицейскую машину. Она остановилась (после чего тусовавшиеся поблизости группы азиатов сочли нужным рассредоточиться), откуда вылез полный полицейский, что-то сказал второму, оставшемуся в машине, и неторопливо направился ко входу. Я подождала еще. За время его отсутствия напарник успел выкурить две сигареты. Наконец, первый вышел, что-то со смехом сказал напарнику, грузно залез в машину и они уехали.

Еще какое-то время я постояла под сенью мусорного контейнера. Маленькое происшествие быстро растворилось в повседневной суете общаги. Из дверей выходили и входили люди – русские, азиаты – и они явно не ведали, что недавно кто-то совершил здесь нетривиальный поступок. Удалось уловить разве что пару слов на эту тему. И все. По мере того, как напряжение рассеивалось, я начала ощущать сильную усталость. Как-никак, с 8 утра я сегодня была на ногах, если не считать краткой передышки на скамейке в парке. К тому же, я была очень голодна. Последний раз я ела вечером. Помнишь, я говорила, что на пробежку всегда выходила до завтрака, чтобы не тяжело было бежать и чтобы после заслуженно вознаградить себя едой, вожаденной вдвойне. Понятно, что до последней минуты я не вспоминала о голоде. А вот

сейчас вспомнила, и пустота мучительно засосала в желудке. Дома, то есть в комнате, куда я больше не могла вернуться, были продукты. Потеря была очень болезненна, особенно в настоящий момент. Однако в набедренной сумочке лежал кошелек, а в нем – остававшиеся у меня деньги. Где-то около двух тысяч. Значит, в ближайшее время смерть от голода мне не грозила. Я поблагодарила бога за такой подарок и стала потихоньку, задом, удаляться с места действия: так, чтоб меня не смогла увидеть хозяйка, вздумай она снова выйти на улицу.

Сначала я отошла довольно глубоко во дворы, а потом вышла на улицу Бабушкина и пошла по ней в обратную сторону. Здесь, в двухэтажном магазине-ярмарке (это когда каждый отдел принадлежит своему хозяину), я знала прилавок с горячим чаем и пирожками. Соседний отдел был распивочной, где торговали водкой в разлив и где всегда толпились опустившиеся/опускающиеся мужчины, вызывавшие у меня печальные эмоции. Но в этот раз я не обратила на них внимания. Я съела три пирожка с капустой (самых дешевых) за раз, выпила стакан сладкого чая. Потом, подумав, взяла еще стакан кофе с молоком – он на вкус напоминает молочный шоколад. И тут я снова задумалась об МЧ. Странно, я забыла о нем, едва он скрылся со своей добычей, и почти час не вспоминала. А ведь это, пожалуй, было поважней всего другого. Куда он побежал? Где он сейчас? Кража моей сумки не укладывалась в схему поведения несчастной жертвы воровства, который стремится поймать воровку. Хотя, может, он решил, что взять с меня нечего, а связываться с полицией – утомительно и не факт, что результативно... И поэтому решил забрать хоть что-то? Или он надеялся, что в сумке я храню его деньги?! Что ж, тогда он просчитался. Деньги частично перекочевали к Х-2, частично осели в кассе магазина «Семья», где я обычно покупала продукты, а остаток всегда был со мной. Продукты из его холодильника я давно съела.

Почему он решился на такое? Почему не боялся, что я заявлю в полицию? Хотя – смешно это спрашивать. Он точно знал, что я не заявлю. Так ведь я же и не заявила, и не собираюсь этого делать. Потому что я знаю, что в этом случае он обвинит меня во взломе квартиры. Что ж, это он верно просчитал. Но почему он рискнул предстать в роли грабителя перед Х-2 и соседями? Почему не испугался, что его побьют, поймают, задержат? И не факт, что в полиции удовлетворились бы объяснениями типа «она меня обворовала», если меня самой нет в наличии (и не будет, потому что домой я не вернусь). Объяснений этому не было. МЧ не похож на импульсивного гопника, способного на полукриминальные выходки. А может, все произошло неожиданно даже для него самого? Может, он нашел мою комнату, увидел мою сумку, стал уговаривать хозяйку ее отдать, обвиняя меня в воровстве. Она ему не поверила, потянула сумку на себя. Может, он случайно оттолкнул ее и она упала. Тут он перепугался и, ни о чем не думая, бросился бежать. Вот это уже больше походило на правду.

Если так, то сейчас он напуган не меньше меня. И будет, крадучись (скорее всего, ночью), пробираться к себе домой. Может, сейчас он неприкаянно бродит поблизости, так же, как и я? А вдруг мы встретимся? От этой мысли я вздрогнула. Несмотря на то, что сейчас мы оба как бы вне закона, моя вина явно тяжелей.

Боясь внезапной встречи, я отправилась бродить по расширенному радиусу. Дошла до набережной Невы. На ее живописном фоне вид медленно идущей женщины в спортивных штанах (да в чем угодно) выглядит естественным дополнением. Я двинулась на север, в сторону центра, и шла так часа два, иногда покупая еще еды или заходя в кусты справить нужду. Когда совсем уставала, усаживалась во дворах на скамейки. Как хорошо, что в последнее время появилось много скамеек. Где-то после полудня я стала постепенно забираться влево, пробираясь через старые промзоны к другой прямой, идущей параллельно набережной – железной дороге. Вдоль нее, двигаясь то прямо по насыпи, то по окрестным переулочкам, я пошла обратно.

Глава 6. Страх, усталость, спасение

Тот день был тяжел, а вечер и того хуже. После многих километров медленной ходьбы, да еще и по асфальту, ноги страшно болели, и скамейки уже не помогали. Добавлялось чувство безысходности: куда мне идти, что делать? Я могла бы попробовать снять комнату еще на один день – денег на это хватало – но где? Кроме двух моих общаг, к которым я боялась даже близко подойти, была еще третья – такая же пятиэтажка, стоящая параллельно им, ближе к улице Бабушкина. Наверняка там тоже кто-то сдает жилье. Но кто? Как его искать? У кого спрашивать? Я не знала. Да и знала бы, наверняка побоялась бы зайти туда. А вдруг все хозяева съемных комнат поддерживают между собой связь и тут же сообщат о моем появлении друг другу?

Я часами сидела на детских площадках, переходя из одного двора в другой – так казалось безопаснее. Спустился вечер, и стало холодно. Сидеть было уже невозможно, приходилось все время двигаться. Теперь у меня болело все – спина, ноги, голова. При каждом шаге я боролась с тем, чтоб не опуститься в изнеможении на асфальт. Я садилась куда-нибудь, отдыхала, быстро замерзала – и, медленно поднявшись, волочила ноги дальше. В какой-то момент, должно быть, я забылась и очнулась, лишь оказавшись у подъезда *той* квартиры. Квартиры МЧ! Наверное, от усталости отключился инстинкт самосохранения. Я быстро свернула в другой двор, однако все же успела найти взглядом знакомые окна – как ни странно, они были темны, хотя было еще совсем рано – не позже 8–9 вечера. Выходит, «Николай» еще не возвращался, и его подруга тоже.

Ночью ноги волшебным образом еще не раз приводили меня к этому подъезду. Как будто, потеряв приют повсюду, я почувствовала между собой и квартирой родственные узы. Ну да, что тут удивляться – ведь она меня кормила столько времени! И почти ни разу не подвела, если не считать внимательности хозяина, который не досчитался денег в шкатулке. Но ведь это он был моим врагом, а она-то – нет! Постепенно ее темные пустые окна стали казаться мне самыми светлыми и теплыми во всем ночном городе. В самом деле, ведь Квартира – это одно, а приходящие спать в нее люди – это совсем другое. В нее может прийти спать кто угодно, а она от этого не изменится. Я уже была готова считать Квартиру живым существом, которая способна мне посочувствовать. Вновь и вновь я проходила мимо ее окон. Шли часы, а в них так и не зажигался свет. Совсем измучившись, я перестала бояться и даже рискнула спросить у прохожих, сколько времени. Оказалось, было уже два часа ночи. Да, не случайно люди во дворах давно перевелись. Но где же хозяева Квартиры, где МЧ и ягуаровая женщина? Я присела на скамейку и попыталась снова, усилием воли, порассуждать – это отвлекало от холода. Может, на МЧ-Николая слишком сильно действовало утреннее происшествие, и он испугался вернуться домой? А его подруга? Он и ее попросил не возвращаться? А может, у них есть что-то вроде родительской дачи, или они решили провести ночь в ночном клубе. Есть ведь такие люди, которые могут ночью не спать. Да, но ведь завтра им на работу. Впрочем, я не знала, какой завтра день – будний или выходной. Судя по тишине ночью – видимо, все-таки будний.

Я несколько раз засыпала на скамейках, обняв себя руками. Но ненадолго, ибо холод быстро будил. Тогда я снова брела, уже без стеснения шатаясь из стороны в сторону, как бомж. Теперь-то я понимала, что их шатает вовсе не из-за перманентного алкогольного опьянения, а от перманентной усталости. Не боясь быть замеченной хозяевами, я кружила вокруг дома. С наступлением рассвета дворы стали постепенно наполняться звуками – заводящихся и отъезжающих машин, голосов, покашливаний, криков птиц. Небо сначала сделалось серым, потом один край его побелел, затем пожелтел и под конец позолотился. И тогда стало почти светло. А окна моей милой Квартиры по-прежнему были темными. И оставались такими даже тогда, когда все соседние окна зажглись, превратившись в желтые квадраты. Я сидела на поребрике почти напротив подъезда, не думая о риске быть обнаруженной, и всей душой мечтала спря-

таться во тьме этих окон. Наконец, я либо набралась решимости, либо изнурение окончательно изгнало протесты разума – вот уж не знаю. Будь, что будет, сказала себе я, и почти не качаясь, двинулась к парадной. Поднесла ключ-таблетку. Сработало. Хорошо. На лестнице – вроде бы никого. Хотя в этот час народ должен гурьбой выбегать на работу и учебу. Мне везет! Может, это сама Квартира помогает мне, желая спасти от холода и усталости? Сразу откуда-то появились силы. В один миг я добежала до третьего этажа и всунула в скважину уже приготовленный ключ с бородкой. Я мельком успела подумать, что хозяева («Николай») теоретически могли прошмыгнуть домой в те промежутки, когда я не дежурила около дома. И, утомленные ночным клубом (?), немедленно упасть спать. Подумав это, я тут же ответила себе, что мне уже все равно. Даже если Николай внутри, я скажу ему, что просто очень хочу спать... А потом, когда я проснусь, он может вести меня в полицию. Но только, ради бога, не сейчас. Сейчас – только спать, спать под чем-то теплым. Раз-два-три-четыре – я повернула ключ. Мозг пронзила счастливая мысль: раз дверь закрыта на ключ, значит, там никого нет! Я мгновенно юркнула внутрь и заперлась. Затем опустилась на пол, спеша насладиться отдыхом и одновременно прислушиваясь. Пусто. Тихо. Квартира безлюдна. Ни Николая, ни его девицы. Тогда я с трудом поднялась и медленно прошла в ближнюю комнату, где был диван. Помню, как, добравшись до него, я стягивала кроссовки. Дальше сознание отключилось.

В первый раз я проснулась, видимо, еще утром – одновременно от сильного желания сходить в туалет и от холода. Я выбралась в прихожую, разыскала дверь в санузел. Свет я включать боялась, но и на ощупь нашла все легко. Снова оказавшись в гостиной, я разглядела на стуле у стены сложенное одеяло. Сладко укуталась и через секунду снова уснула.

Глава 7. Я – дома

Окончательно пробудилась я около трех часов пополудни. День был пасмурный, но Квартира была полна приветливым светом (во всяком случае, мне так показалось), словно бы приглашая меня побыть еще немного. А я и не собиралась пока уходить: теперь меня мучил голод. Я снова сходила в туалет, затем аккуратно сложила в гостиной одеяло. Попыталась, как смогла, выровнять чуть примятую поверхность дивана. Прошла на кухню. Как будто бы здесь вообще ничего не изменилось. Даже та самая чашка с ложкой стоит около мойки. И опять – ни одной грязной посудинки. Какая, однако, аккуратная эта подруга Николая! Неудивительно, что прекрасным сожителем (мужем?) обладает именно она, а не я. И неудивительно, что как таковыми сожителями обладают все кто угодно, кроме меня. Я бы не смогла обеспечить столь идеальную чистоту на кухне. Так что мир, вобщем-то, устроен справедливо и мне не на что жаловаться. Я была настроена благодушно: сладкая истома после долгого теплого сна, плюс предвкушение вкусного завтрака (пожалуй, уже обеда) вполне примирили меня с жизнью. О том, что я буду делать потом, я пока не думала.

Я открыла холодильник. То, что я вожелела здесь увидеть, меня не подвело: опять сыр, копчености, сладкие булочки в целлофане. Я снова разыскала начатые упаковки и сунула в рот кусочек салями. Он был восхитителен, как и в прошлый раз, однако сейчас он показался мне немножко подсохшим. Я внимательно его рассмотрела. Да, действительно, он как будто полежал несколько дней в открытой упаковке. Другие кусочки, лежавшие с ним вместе, были в таком же состоянии. Жуя, я достала упаковку сыра. Начатый кусок по краям тоже явно подсох. Заметно зачерствели и булочки. Присмотревшись, я поняла, что это те же самые булочки, что лежали здесь в прошлый раз – вот одна с лимоном, одна с малиной, вот слойка с сыром (я как раз еще тогда на нее разлакомилась). Выходит, их не съели за четыре дня? И початые упаковки сыра и салями тоже, получается, с тех пор позабыли. С другой стороны, в холодильнике как будто бы не прибавилось ничего нового. Либо хозяева приносили еду маленькими порциями и сразу все съедали, либо... м-м... либо они вообще сюда не приходили! Подумав так, я побежала назад в гостиную, потому что вдруг вспомнила то, что бросилось мне в глаза сразу после пробуждения, но не зафиксировалось в сознании – а именно, ровный слой пыли на соседнем компьютерном столике. Не могу сказать, что очень уж рьяно борюсь (боролась) с пылью в своей комнате – по правде говоря, я вообще ее не вытираю (не вытирала), но при этом я отлично знаю, что таким ровным сплошным слоем пыль оседает только на абсолютно неиспользуемых предметах. Например, на моей кухонной столешнице пыли не было. Было все, что угодно – крошки, картофельные очистки – но не пыль. На полу у меня пыли, конечно, полно, но она скапливается неравномерно: в углах, куда я, понятно, не захожу, ее много, в середине комнаты – почти нет.

Я рассмотрела компьютерный столик. Он был покрыт едва заметным (видимо, недавним), но абсолютно *ровным* пылевым слоем. Такую же концентрацию пылинок, внимательно присмотревшись, можно было обнаружить на всех предметах, лежащих на столе – каком-то справочнике, толстом блокноте, даже на авторучке. Может, это только к столу давно не подходили? Посмотрим. Да нет – точно такой же слой, не больше и не меньше, был на ручке дивана и на полках стеллажа. Я вернулась на кухню. Как же я сразу не заметила! Еле видная пыль была и на кухонной столешнице! Такие чистоплотные хозяева, у которых нигде ничего лишнего, все вещи, пусть безвкусные, но лежат на своих местах – и вдруг перестали вытирать пыль? Нет, это вряд ли. Я открыла шкафчик под умывальником и заглянула в помойное ведро. Там было совсем немного мусора – два-три стаканчика из-под йогуртов, очистки яблока и упаковка из-под ветчины. Гнить было особенно нечему, но все, что могло засохнуть, засохло: яблочная кожура превратилась в шелуху, остатки йогурта на дне стаканчика затвердели и потрескались.

Возможно ли, что после моего последнего визита здесь никого не было? Но где тогда ночевал Николай?... Где тогда живет Николай?... Если он живет не здесь, то почему он...

Я запуталась в мыслях и опустила на стул. Правда, параллельно не забывала жевать – аппетит от моих открытий отнюдь не пропал. Что происходит? Не ошиблась ли я? Действительно ли Николай – хозяин моей милой Квартиры-кормилицы? А если нет, то, может, он на стадионе хотел сказать совсем не то, что, как мне показалось, он хотел сказать?! Выходит, я совершила глупость? Но... почему тогда он искал меня, почему проник в мою комнату и почему украл мою сумку? Это было совершенно необъяснимо. Представить, что он – просто мелкий воришка (выходит, в большей степени воришка, чем я), у меня не получалось. Это с его-то безупречными манерами, хорошей одеждой и солидными познаниями? И потом – откуда он знал мою первую хозяйку, Х-1? А ведь вчера он направился напрямик к ней. Они, безусловно, были знакомы. Впрочем, этот вопрос можно задавать безотносительно к тому, связан Николай с Квартирой или нет. Но при условии, что связан, похищение сумки хоть как-то объясняется: если человека систематически обворовывают, он на многое способен, чтобы найти и остановить вора. А вот если квартира не его, если он не искал воровку и если ему вообще не в чем было меня упрекнуть – то его усилия по поиску меня кажутся абсурдными. Ради чего? Ради сумки со старым нетбуком? Да ведь он даже не знал, можно ли у меня хоть чем-то поживиться. Одета я, скажем прямо, довольно небогато. Старые спортивные штаны, местами в пятнах, очень потертая, выцветшая кофта-кенгурушка с капюшоном. Если бы не здоровое лицо, то меня вполне можно было принять за опустившуюся алкоголичку. Во всяком случае, даже если за приличной личиной Николая скрывался банальный вор, он бы ни за что не позарился на мое имущество. Но он позарился. Как-то разыскал мое старое жилье. Потом новое. Схватил сумку и убежал. Кто он такой?!

Строго говоря, мне не следовало сокрушаться о потере нетбука: наверняка стоил он примерно столько, сколько я уже в совокупности украла (да, да, произнеси это слово!). Поэтому получается, что бог наказал меня вполне адекватно. Правда, вместе с нетбуком я лишилась всего остального – жилья, чайника, теплых вещей, еще какого-то мелкого барахла, оставшегося в комнате. Но лишилась просто потому, что сама боюсь туда вернуться. Кстати, если бы Николай ничего не украл, а просто заглянул в мою комнату и ушел, результат был бы ровно таким же. Получается, я бы в любом случае бы все потеряла. А главное, что при любых вариантах без воровства из Квартиры мне не выжить...

Нет, попыталась я возразить себе, ведь я могла бы попытаться найти работу! Походить по продуктовой ярмарке и поспрашивать, не нужен ли кому продавец... И тут же я признала, что это слабый аргумент. Нет, я никуда бы не пошла и ничего бы не осмелилась спросить. Я безумно боюсь людей и не могу представить, что я с кем-то заговариваю и тем более что-то у кого-то прошу. Наверное, мне было бы проще помереть с голода на скамейке, чем сделать это. Впрочем, продолжала я дискутировать сама с собой, если бы сильный голод меня заставил, то, может быть... Только если сильный голод способен изменить личность, снова отрезала я. Правда, такого голода я еще никогда не испытывала. Поэтому, насколько это будет возможно, я буду воровать из Квартиры – деньги и еду. Видимо, я знала это с самого начала, с первого дня. Прости, дорогая доверчивая Квартира!

Я съела все, что смогла, пока не насытилась. На сей раз я уже не слишком заботилась о том, чтобы набег на холодильник прошел незаметно. Рискнула даже вскипятить чай в электрочайнике. Открыла подвесной кухонный ящик и сразу нашла чайные пакетики. Большая коробка «Липтона». Тут же был сахар, и даже пакет зефира. Нераспакованный, и потому свежий. Прожевав первый сладкий кусок и отпив глоток горячего чая, я ощутила такое острое блаженство, что решила про себя: пожалуй, я уже не боюсь, что меня тут застанут. У меня есть добрая сообщница – сама Квартира. Она сочувствует мне. Она – мой друг. Она кормит меня и вот даже дала ночлег. Я все больше и больше убеждаюсь, что она не заодно со своими

хозяевами. Во всяком случае, она не пытается меня выдать. Может, я ей понравилась? Э, да я начинаю шутить. Давно со мной такого не было. Я боюсь людей, но с неодушевленным предметом мне легко. Может, Квартира – это и есть мой долгожданный спутник? Какие глупости приходят на ум... Но ведь сейчас мне в самом деле некуда идти. И надеяться я могу только на одного друга – на нее.

Живет здесь Николай или нет? (Надо же, я все-таки стала называть его этим именем; привыкла). А может, живет, но просто питается в кафе? Вот этого я не учла. А ведь вполне возможно. Ну, а его подруга? Тоже, может, в кафе. Они приходят домой поздно, и сразу падают в постель. У них же явно нет детей. А утром они пьют кофе. Так наверняка принято у молодых пар из так называемого миддл-класса, которые ходят по сверкающим торговым центрам и покупают там эти идиотские леопардовые сапоги. Утром они быстро моют свои чашки и убегают на работу. А эти йогурты они съели в выходные. Кстати, какой сегодня день недели? Забыла. Может, четверг? Ну что ж, за четыре дня остатки йогурта вполне могли засохнуть, а поверхности мебели – покрыться тонким слоем пыли. Уборка у них, наверное, намечена на субботу. А сегодня они по каким-то причинам не пришли домой ночевать.

Я устала думать. Надоело. Главное, что сейчас мне хорошо и тепло. Интересно, сколько у меня свободного времени? В смысле, безопасного времени, пока хозяева не вернутся? Наверное, 6 вечера – это самое раннее, когда они могут добраться до дома из своих респектабельных офисов. Значит, где-то в 17.30 мне нужно объявлять панику. Что ж, у меня есть три часа. Странно, но почему-то я была уверена, что раньше Николай не придет. Хотя вроде бы это входило в противоречие с предыдущими рассуждениями. Но я была уверена.

Насытившись, я решила посмаковать чувство комфорта. Побродила по комнатам, изучая подробности обстановки. Подумала было снова прилечь на диван, и даже прихватила одеяло со стула, как тут взгляд мой упал на ноутбук. Большой, черный, явно новый и мощный, не то, что бывший мой. Штепсель был вставлен в розетку. Выходит, что аккумулятор все-таки уже сел. Я открыла крышку, нашла нужную кнопку и включила. На экране забегали значки, обещающие скорую загрузку. Надо же, как быстро. Пробуждения моего нетбука пришлось бы ждать еще пару минут. Зажегся экран, и сразу открылся аккаунт «Вконтакте»: как видно, хозяева – поклонники иллюзии общения, которую дает соцсеть. Имя пользователя было какое-то бессмысленно-пафосное, написанное английскими буквами: я даже не стала в него вчитываться. Начиналось оно с буквы «С». А картинка – какой-то компьютерный зверек, может – из мультфильма или игры. То ли медвежонок, то ли толстый суслик. Что-то очень знакомое. Вероятно, картинка сейчас в моде и многие ставят ее себе на аватар. А может, я где-то в сети даже встречалась конкретно с этим пользователем? Теоретически возможно. Интересно, это кто – муж (Николай) или жена? Сначала я хотела выйти из хозяйского аккаунта и войти в свой. При виде компьютера проснулся и мой информационный голод, до этого спавший. Я уже занесла руку в сладком предвкушении, но успела подумать – если я выйду из аккаунта, то как войду снова? Ведь я не знаю пароля. И если раньше хозяева только подозревали, что в квартиру кто-то повадился (а впрочем, и это в настоящий момент не доказано), то после выхода из аккаунта их подозрения укрепятся. Если я хочу продлить сеансы еды, сна и тепла, мне нельзя рисковать. Оставалось одно – залезть в чужой аккаунт. Я утешила себя, что вряд ли я найду тут что-то настолько интимное, что мне станет стыдно. Я понимаю, что это – отнюдь не причина столь низко злоупотреблять гостеприимством хозяев, которые, к тому же, и не думали мне его оказывать. Словом, я не знаю, почему я это сделала. Никаких оправданий у меня нет.

Однако насчет отсутствия интимности я не ошиблась. Страница Суслика была наполнена типовыми фотографиями котят, закатов, экзотических пляжей и видов иностранных городов. Как будто это был не живой человек, а проправительственный бот. Список друзей представляли сплошные девичьи лица в манерных ракурсах. Мужские, правда, тоже попадались. Многие хвалились своей сопричастностью т. н. «экстремальным» и дорогим развлечениям: была

фигурка в шлеме где-то на высоте, кто-то спускался с парашютом, кто-то летал на дельтаплане, кто-то позировал на фоне гор, изображая из себя крутого восходителя. В ленте новостей – ожидаемое: фильмы, котики, псевдомудрые цитаты, целующиеся фотомодели. Похоже, Суслик – это жена Николая. Леопардовый Суслик. На стене висел ворох поздравлений с днем рождения. Судя по датам, он был у нее пару недель назад. Поздравляю! Я чуть было не добавила собственный букетик на стенку, но вспомнила, что могу поздравить Суслика только от его же имени, что справедливо встревожит хозяйку. Наконец, я осмелилась открыть список сообщений. С манерными девушками, парашютистами и горновосходителями у Суслика шли малосодержательные беседы: против каждой аватарки располагалась строчка из сердечек, смайликов, восклицательных знаков и нехитрых междометий.

Я случайно крутанула колесо мышки вниз и замерла. Одна из аватарок собеседников невероятно походила на мою собственную! Не может быть, но ведь это она и есть!! И имя – то же, два неудобочитаемых слова латинскими буквами, которые я уже не помню, откуда взяла... Я похолодела. Я точно не переписывалась с хозяйкой этой квартиры! Я вообще не знакома с Сусликом! Хотя... Ведь аватарка показалась мне знакомой. Может, я забыла... Нет, невозможно! Дата последнего сообщения – трехнедельной давности. И это сообщение было якобы «моим»! Первая фраза, отображавшаяся в списке сообщений, гласила: «Значит, увидимся». Понятно, что это розыгрыш, потому что по-другому невозможно... Но кем, как?!

Конечно, это сделал Николай, спокойно ответил мой разум. Он так наказывает меня. Ведь мне стало страшно? Еще бы. Он этого и добивался. Он нашел мою комнату, он украл мой нетбук. И с помощью него он жестко разыграл меня. Этот простой ответ вроде бы перечеркивал все ужасные подозрения о раздвоении сознания, кошмаре встречи с самим собой и т. д. Но он требовал детализации. Итак, войти в мой аккаунт Николай мог без сверхъестественных усилий (и тогда – хозяин Квартиры все-таки он, я «гощу» именно у него дома!). Возможно, он задумал кражу нетбука именно с этой целью. Причем ему даже не пришлось ничего «взламывать»: у бесхитростных интернет-обывателей вроде меня вход в аккаунт находится прямо на закладке браузера. Предполагая, что вслед за проникновением в квартиру я залезу и в его компьютер, он мог написать с моего аккаунта Суслику что-то разоблачительное вроде «Ну как, понравилась моя колбаса?» А может, там так и написано, а «Значит, увидимся» – это сардоническая усмешка в конце. Кстати, что он хотел этим сказать?! Что он сейчас сюда явится? Да не один, а с парой друзей, которые меня хорошенько проучат? А вдруг... он решил в наказание запереть меня здесь? Чтобы я умерла с голоду. Или почти умерла, не смея выдать себя и позвать на помощь (я быстро сбегала в прихожую и попробовала открыть дверь; уфф, ничего подобного, дверь легко приоткрылась). Ну хорошо, не ловушка, но ведь это не мешает ему скоро прийти... «Увидимся»! Я не хочу с ним видаться, и тем более здесь! Бежать? А может, сперва все-таки прочесть весь диалог?

Я уже занесла палец, чтобы открыть его, и вдруг остановилась. погоди! Это не может быть угроза Николая, потому что... вот же, как же я позабыла, что фраза «Значит, увидимся» оставлена *три недели назад*! Тогда Николаю еще не за что было меня наказывать. И моего нетбука у него еще не было! Он был у меня. Значит, это написала... я?!

Я перевела дух. Спокойно, спокойно. Не стоит впадать в панику – это наверняка входит в его план. Значит – все-таки взлом, и взлом очень искусный. Я где-то слышала, что подделывать дату сообщения в социальной сети крайне трудно. Вроде бы это хакерство экстра-класса. Тогда странно. Такие сложные трюки ради садистского наказания мелкой воришки? Но если Николай – великий хакер, то зачем он вообще обитает в этой квартире и в этом районе? Великих хакеров я почему-то представляла себе живущими на океанских виллах. Хотя, с другой стороны, почему? Ведь талантливый программист – это не банальный нефтяной олигарх. Тот, может, и не захочет, а будет вынужден жить на вилле, потому что иначе коллеги-олигархи его не поймут. А мега-хакер, в отличие от него, абсолютно независим от мнения кого бы то ни

было. Он может жить где угодно и как угодно. Как раз в силу профессии он не должен привлекать к себе внимание. Может, одна-две виллы про запас у него имеются, но он любит иногда уединяться здесь, в панельной пятиэтажке в Невском районе Санкт-Петербурга, и именно отсюда совершает свои атаки на базы данных, например, Пентагона. Потому-то его давно не было дома и стол покрылся пылью...

Я поняла, что отвлекаю себя судорожными шутками с одной-единственной целью: я боюсь открыть эту переписку. Версия с остроумной местью Николая, хоть и требовала огромного количества допущений, все-таки была логичной, а главное – не такой пугающей, как призрак дикой мысли, что эту фразу написала я сама... Я боялась кликнуть на диалог. Но и оставаться в неведении было нельзя. Может, сначала откроем сам аккаунт? А вдруг я ошиблась и напрасно запугала себя? Вдруг он все-таки не мой?

Не дыша, почти так же, как вставляла чужой ключ в замочную скважину, а кликнула на картинку... Нет, я не ошиблась. Это была моя страница. Те же фотографии, которые, кажется, были у меня сохранены. Не уверена, правда, что помню эту, с зимним пейзажем: может, это опять шутки Николая? Хотя наверняка я просто забыла. Я ведь даже не помню, когда в последний заходила во ВКонтакте и что при этом делала. Впрочем, Николай вполне может понатянуть мне сюда новых фоток и даже новых френдов, посылая мне таким образом некий «мессадж»...

Хотя о чем я? Какой еще тайный мессадж, если он мне русским языком все написал. Ну открой же переписку, не бойся. Все и так понятно. Ты виновата, ты заслуживаешь наказания. Я вздохнула поглубже, открыла диалог и быстро-быстро, стараясь не читать раньше времени, принялась крутить ленту сообщений вверх. Все, кроме последнего – «моего» – обозначались как ранее прочитанные (!). Он даже это сумел подделать!

Крутить пришлось довольно долго. Судя по дате первого сообщения, переписка Суслика со «мной» началась около двух месяцев назад. Причем первые фразы выглядели так, словно собеседники хорошо знакомы. Более того, как будто это продолжение длинного диалога, начало которого удалено. Но теперь я не ужасалась. Все укладывалось в версию подлога. Николаю, который сфальсифицировал переписку от первого до последнего слова, лень было много писать, и он нашел вот такой выход из положения. Что интересно, я и сама любила время от времени удалять накопившуюся историю сообщений. При этом мною двигал чистый иррационализм. Подобно тому, как я всегда завинчиваю кран до упора, дабы сберечь воду в Ладожском озере (что вполне разумно), я инстинктивно берегу ресурсы неведомых серверов, удаляя все лишнее. Но если с собственным компом это еще имело резон, то в случае с аккаунтом я чистила сервер компании «ВКонтакте», для которого десяток моих сообщений весит не больше, чем песчинка для Сахары.

Начав читать, я окончательно убедилась, что нахожусь в женском аккаунте. Для моего «воспитания» Николай решил воспользоваться страничкой жены. Правда, с тем же успехом он мог создать фиктивный аккаунт. Если бы не другие диалоги, которых – я бегло просмотрела – было довольно много (и они были похожи на настоящие), я бы с уверенностью сказала, что Николай именно так и поступил. Но, похоже, он подделал только одну переписку.

Начиналась переписка (точнее, ее сохранившаяся часть) с женского разговора «за жизнь», который «мой» аккаунт пытался вести в стиле классика психологической попсы:

«Мне кажется, тобой движут противоречивые желания», – писал он, то есть «я». – «С одной стороны, он тебе надоел и ты хотела бы расстаться. Точнее, ты хотела бы заменить его на другого – красивее, удачливее, харизматичней и т. п. При этом расставание не всегда предполагает опцию „заменить“. Пока, как ты понимаешь, судьба предлагает тебе только два варианта: быть с ним или расстаться. Однако, ты уж извини за откровенность, статус замужней (хоть и без штампа в паспорте), т. е. кем-то „востребованной“ женщины для тебя очень важен, ты боишься его потерять. Возможно, ты опасаясь, что для твоего возраста (тебе ведь почти 28, если не ошибаюсь) статус одинокой будет катастрофой. Поэтому ты позволяешь ему нахо-

диться при тебе, держишь, как потрепанную статусную вещь, хотя вам давно уже не о чем поговорить. Ты извини, если я слишком откровенна, но мы ведь так договорились – говорить только правду))))»

«Да ладно, нормально», – в несколько иной манере отвечала Суслик. – «*Может, где-то так и есть. Но вообще-то ты ошибаешься, что нам с ним не о чем поговорить. Может, со стороны кажется, что мы такие разные. Но на самом деле я его очень хорошо понимаю, как никто другой. Иногда мы с ним подолгу разговариваем. И я ему очень нужна, я уверена. И не только из-за квартиры. Просто у нас сейчас очень разная жизнь. Но это такой период, его нужно пережить. Действительно, раньше бывало, что я хотела расстаться. Но сейчас – нет*». (Примечание: «моя» собеседница не всегда соблюдала верную орфографию, но для удобства чтения я это не воспроизвожу).

«Опять-таки прости за откровенный вопрос – а ребенка ты завести не думала? Это бы вас объединило, а он и вовсе явно на это ориентирован. Ты ведь не какая-нибудь богемная „чайлд-фри“ (это те, кто осознанно детей не заводят). Ты и не бизнес-вуман, которая с утра до ночи делает карьеру. Ты – обычная женщина (в хорошем смысле) с вполне традиционными взглядами. По моим представлениям, ты должна хотеть детей))))»

«*Я и хочу, обязательно! Просто не прямо сейчас. Сейчас так много всего непонятного. И по работе, и дома. Надо сначала разобраться. Нервы в порядок привести))))*»

«Понятно. Ну, успехов в этом))))»

(...)

Иногда переписка прерывалась на несколько дней, потом возобновлялась вновь (видимо, у Николая исчерпывалась фантазия по одному сюжету и, чтобы логично перейти на другой, он ставил дату несколькими днями позже). От прочитанного у меня было сложное ощущение. Вроде бы я утвердилась в мысли, что вся беседа от первого до последнего слова – плод воображения гениального хакера с заостренными уголками глаз. Все задумано как изысканное наказание меня. Причин для экзистенциального ужаса как будто нет. Но в то же время я была уверена, что когда-то действительно вела похожие разговоры! Или просто присутствовала при них. Или видела в чужой переписке. Но что-то такое точно было. Впрочем, в данном контексте, в такой форме и с этой женщиной я никогда ничего подобного не обсуждала, это точно.

Странно, что в этом спектакле (единственной зрительницей которого, получается, была я) Николай выделил «моей» собеседнице столь непривлекательную роль: пошлая обывательница, которая своей серостью высвечивает «мой» эффектный выход. И что за странный выбор «моего» амплуа! Похоже было, будто начинающий драматург неуклюже пытается изобразить своего героя «шибко умным». Обычно шибко умным пытаются сделать не другого (тем более, с целью его напугать), а самого себя – с целью произвести впечатление. Содержание переписки совершенно не укладывалось в мотивы Николая. Если, конечно, я их правильно поняла.

И по-прежнему мучили сомнения: слишком, слишком много допущений! Допущение о великом взломщике, который лужает подноготную Вконтакте, как семечки. Допущение, что ему доставляет эстетическое удовольствие устраивать странные представления, подобно герою «Волхва» Фаулза (кстати, чтобы получить это удовольствие, он должен был установить где-то скрытые камеры. Интересно, где они? На корпусе ноутбука, во всяком случае, ничего нет). Первое и второе допущения друг с другом отлично коррелировали: компьютерный гений, соответственно, богат, плюс наличие свободного времени для необычных развлечений, и, разумеется, ресурсы, чтобы все это организовать. Если меня хотели проучить в точности по сюжету «Волхва», то выбор «испытываемого» по своей нелепости вполне соответствует классике: мел-

кий, ничтожный человечек, чей проступок несоизмерим со сложностью «наказания» (что является, на мой взгляд, самым слабым местом этой увлекательной книги). Но вероятность объединить эти допущения в одном человеке, да еще и предположить, что счастье стать его объектом среди всех ничтожеств Санкт-Петербурга выпало именно мне – эта вероятность стремилась к нулю. Хорошо, пусть наш компьютерный гений нелюдим и выбор объектов для игр у него тоже небольшой. Судьба сделала так, что именно я подобрала потерянные ключи от одной из его квартир. Тем самым именно мне выпал счастливый жребий стать подопытным кроликом. А может, как ни удивительно это выглядит, я взаправду ему понравилась. И все равно требовалось введение гипотезы уникального гения-эстета, которая была очень неправдоподобной.

Я вернулась к чтению. Возобновившийся якобы через четыре дня разговор вскоре снова вышел на гендерную проблематику. И опять «я» нелепо солировала:

«...Востребованность у мужского пола – это нечто вроде „валюты“, которую женщины предъявляют своим соперницам (да и всем окружающим). Чем больше у нее этой валюты (внимания мужчин, „поклонников“ в разных смыслах этого слова), тем более успешной и состоявшейся она себя считает \считается у окружающих».

«Лично мне эта „валюта“ никогда не была нужна. Мне не нужно никому ничего доказывать».

«Разумеется, это происходит, минуя наше сознание. Как мне ни прискорбно об этом думать, но наверняка и я, такая умная, такая рассудительная (Примечание: куча смайликов))), тоже являюсь участником этой глупейшей игры. И выйти из нее мне удастся в лучшем случае к старости».

«Какой игры?»

«В доминирование. В самоутверждение. Раньше эта игра велась только между самцами. Мир был мужским, женщины в нем были на положении объекта, а не субъекта. Они наблюдали за борьбой самцов и мечтали прилипнуть к доминанту. А теперь мир стал женским. Знаешь, это очень грустно, но он стал женским. Потому что женские ценности, женские мотивации в сравнении с мужскими – ничтожны и жалки. Женский мозг – слабее. Но ничего не поделаешь – в мире, нашпигованном высокими технологиями, жизнь уже не требует таких титанических усилий, как раньше. Поэтому мужская функция в этом мире (тяжелый труд, физическое участие в войнах) постепенно отмирает. Следом отмирают и мужчины – смотри, количественная диспропорция полов в сторону уменьшения мужчин усиливается с каждым днем».

«Они не поэтому вымирают, а потому что пьют и курят. И, по-моему, ты женоненавистница. Где доказательства, что женский мозг слабее? И почему это наши ценности жалки? Женищина – это мать, хранительница домашнего очага. На ней все держится».

«Жду и надеюсь, когда же ты станешь „матерью и хранительницей домашнего очага“))). Тогда, может, ты будешь рассуждать менее пафосно. Я вот имею детей, но не считаю это чем-то величественным, за что меня следует превозносить. Я просто реализую биологическую программу, сильный родительский инстинкт. Если бы я его не реализовала, я была бы глубоко несчастна. То есть, фактически, я выбрала меньшее из двух зол – тяготы

материнства вместо страданий от бездетности. Кстати, по-моему мнению, у тебя он – материнский инстинкт – представлен не так сильно. Поэтому ты не страдаешь от того, что у тебя нет детей, а спокойно и разумно планируешь. Я еще за десять лет до твоего нынешнего возраста вся извелась, что у меня нет мужа и есть риск остаться бездетной)))».

«А я вот никогда не мучилась. И мне смешны те, кто мучаются, высказывают замуж за первого встречного, делают ребенка, а потом остаются с ним одни».

«Камень в мой огород))) Что ж, если тебе действительно нет дела до женской конкуренции, то ты – молодец. Боюсь, что мне есть дело, и это не очень украшает мою жизнь. Из-за вымирания мужчин (ты верно сказала, они пьют и курят, и таким образом, я считаю, опосредованно действует популяционный механизм регуляции численности – популяция „знает“, что мужчины ей для выживания больше не нужны, посылает некий сигнал на уровень особей, они утрачивают смысл жизни и начинают старательно уничтожать себя алкоголем, табаком и наркотиками), так вот, из-за вымирания мужчин их ценность в женском мире, естественно, возрастает. Теперь они – объекты, а женщины, наоборот – субъекты. Теперь женщины соревнуются между собой за обладание мужчинами (это их валюта, как я сказала). Правда, по старинке требуют от них исполнения некоего ритуала, стилизующего их прежнее доминантное положение. В смысле, хотят, чтобы ими *желали* обладать.»

«Чтобы ухаживали? Женщины тоже уничтожают себя алкоголем и табаком. У них что, тоже программа вымирания включилась?»

«Все может быть – планета перенаселена, поэтому отчего бы программе не включиться для обоих полов?))) Но женщины все же самоуничтожаются намного медленнее))). Не ухаживания – скорее наоборот. Они хотят, чтобы полностью поработанные, униженные существа, которые раньше были доминантами, теперь немножко пощекотали им нервы, театрально изображая „мужскую силу“. Отсюда – все эти „бои без правил“, тренажерные залы и прочие проявления декоративной „мужчинной“ эстетики. Сами-то мужчины прекрасно знают, что для демонстрации доминирования друг перед другом им гора мышц не нужна. Весь этот художественный декор – для самок, которые теперь за это платят».

«Знаешь, в любой подворотне тебе покажут настоящую, а не декоративную силу. И по-настоящему отберут кошелек. И у меня на работе „доминанты“ мужского пола – вполне настоящие доминантные. И ничего они никому не показывают, им дела нет до этого. Мне кажется, ты сильно преувеличиваешь проблему. Видимо, потому, что тебе в личной жизни не очень повезло. Поэтому ты заиклена на этом. И вот теперь, чтобы объяснить, почему мужчины тобой не интересуются, ты придумала эти дурацкие теоретические построения, высосанные из пальца. Проблема не в вымирании, и не в популяции, и ни в чем-то там еще, а в том, что тебе очень хочется на эту тему думать. Вот так. Ты уж извини. У меня на этом месте проблем нет, и нет поэтому необходимости строить теории. Ты там не обиделась?»

«Ну что ты, дорогой друг. Нет ничего прекрасней твоей искренности))) И ты во всем права! Двумя нехитрыми фразами ты вновь вернула меня из черной меланхолии к жажде жизни».

(...)

Дальше длинных диалогов не было. Были короткие обмены любезностями с перескакиванием с предмета на предмет. Высокомерно теоретизировать «мой» аккаунт больше не решался. Видимо, с точки зрения автора этой стилизации (Николая?), тычок по носу был все-таки болезненным.

Я еще раз отметила про себя, что все это уже слышала или видела. Может, не конкретные фразы в данной последовательности, но именно эти мысли кто-то при мне точно излагал. При этом я была уверена, что их излагала не я. Хотя бы потому, что я отчасти согласна с последним письмом «моей» оппонентши. Впрочем, здравое зерно в рассуждениях «феминистки» (назовем ее так) тоже было.

Если Николай хотел меня напугать, то это удалось ему разве что в первые десять минут. Привыкнув к версии о подлоге (при всех недостатках этой версии), я перестала бояться. Право, неужели он в самом деле думал, что я предположу за собой раздвоение сознания? Конечно, на стадионе у меня не было возможности ярко продемонстрировать свой интеллект, но, смею надеяться, на полную дурочку я все же не тянула. Я припомнила, что в «Волхве» герой тоже недоумевает по поводу нелепости «пугалок», которые для него придумывают. И задается вопросом, не *что* ему показывают, а *для чего* ему это показывают. Я задавалась тем же вопросом. Может, мой богач-эстет просто реконструирует «Волхва»? И в этом состоит его «послание» мне? Или «послание» содержится в диалоге двух глупых женщин, одна из которых выведена немного образованней второй? Я должна узнать в них себя? Но, во-первых, это и близко не я. Ни одна из двух. А во-вторых, символичность диалога портит ненужная конкретика. Николай почему-то наделил «меня» детьми. «Я вот имею детей» – пишет мой аккаунт. Даже не ребенка, а именно детей, во множественном числе. Но, к сожалению, детей у меня совершенно точно нет. Николай, при его-то всесильности, этого не выяснил? И еще – зачем все-таки датировать диалог задним числом? В тот момент у меня и денег-то на интернет не было. А может, Николай нарочно задумал, чтобы низкое качество исполнения замысла меня озадачило? Чтобы я путалась в противоречиях, пыталась увидеть сложную стратегию в нагромождении случайностей? Что ж, он добился одного – я безумно от этого устала. И усилием воли решила сделать перерыв.

Я посмотрела на часы. До момента намеченной «паники» оставалось еще часа полтора. Если представить, что я здесь – важный участник спектакля, его единственный зритель, то мне ничего не угрожает. Во всяком случае, не угрожают банальные вещи вроде обнаружения, криков, мата, приезда полиции, избиения и прочего. Николай должен быть заинтересован в моем присутствии и сохранности. А вот если нет? Тогда – плохо. Потому что тогда, во-первых, мне придется объяснить себе тайну происхождения «моей» переписки с хозяйским аккаунтом. Но нет, нет, баста, больше я об этом сегодня думать не буду... А во-вторых, вероятность скорого прихода хозяев (неважно, в чьем лице) и негативных последствий этого для меня сохраняется, и мне нужно думать об эвакуации. Вот это, пожалуй, сейчас важнее.

Я выключила комп. Проверила, чтоб все лежало, как раньше. Потом достала из холодильника еще припасов – полпалки копченой колбасы в вакууме, два стаканчика йогуртов, соединенных между собой (для них я предусмотрительно прихватила чайную ложечку из сушилки), и два глазированных сырка. В дальнем углу холодильника нашла маленькую бутылку с остатками кола-колы на дне. Я вылила остатки, а в бутылку налила кипяченой воды из чайника. Все это я сложила в пакет, как и в прошлый раз. У меня созрел план.

Глава 8. Неудачная попытка стать бомжом

Примерно в пять, до этого еще в досталь повалявшись на диване, я тихонько выскользнула на лестницу (меня по-прежнему никто не пытался запереть), закрыла дверь и сбежала вниз. По пути никаких неожиданностей не встретилось, если не считать глупого старушечьего голоса из-за двери напротив *моей квартиры*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.